

INSPIRIA

ЭЛЛИ РЕЙНОЛДС ДРОЖЬ

ОНИ НЕ ЗНАЮТ
ВСЕЙ ПРАВДЫ
И НИКОГДА
НЕ УЗНАЮТ.

INSPIRIA

Ток. И не осталось никого

Элли Рейнолдс

Дрожь

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

Рейнолдс Э.

Дрожь / Э. Рейнолдс — «Эксмо», 2021 — (Ток. И не осталось никого)

ISBN 978-5-04-164862-6

Как далеко вы зайдете, чтобы выиграть? Азарт, интеллектуальные игры и опасные погодные условия вместе делают «Дрожь» триллером года, который непременно стоит прочитать. Поклонники Люси Фоли и Лайзы Джувэлл будут в восторге. Они не знают всей правды. И никогда не узнают. Миллу приглашают на курорт во французских Альпах, где ей предстоит встретиться со своими друзьями-спортсменами. Она бросает все, чтобы снова встать на сноуборд и потренироваться на настоящих склонах. Но самая главная причина ее приезда – Кертис. Единственный человек из прошлого, которого Милла не может забыть. Пятеро друзей не виделись десять лет: с того самого дня, как Саския – их приятельница, соперница, а кому-то даже любовница – загадочно исчезла. Но когда то, что должно было их объединить, оборачивается катастрофой, они спрашивают себя: кто и зачем собрал их в этом месте. В заброшенном домике высоко в горах вот-вот откроются секреты прошлого. «Дрожь» – это герметичный детектив в зимнем сеттинге, раскрывающий всю изнанку профессионального сноубординга. «Книга, леденящая кровь! Она захватила меня с самого начала, и я все гадала, кто же виноват. Напряжение неуклонно нарастало – я даже стала оглядываться во время чтения. Фантастический, волнующий дебют, полный атмосферных поворотов сюжета. Не могу дождаться ее следующей книги!» – Сара Пирс, автор романа «Санаторий» «Сюжет летит вперед на огромной скорости – аж сердце выпрыгивает из груди. Вас ждут не только неожиданные повороты, но еще и прыжки и сноуборд-трюки. Читать «Дрожь» – сплошное удовольствие!» – Анна Даунз, автор романа «Укрытый уголок»

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-164862-6

© Рейнолдс Э., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Предисловие переводчика	7
Пролог	9
Глава 1	10
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	43
Глава 10	51
Глава 11	56
Глава 12	61
Глава 13	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Элли Рейнолдс

Дрожь

© Жукова М., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Предисловие переводчика

Герои этого романа – сноубордисты, и в книге встречаются специальные термины. Русскоговорящие сноубордисты – или райдеры (riders), или бордеры (borders) – используют транслитерацию английских слов. Для удобства читателей я решила дать пояснения ряда терминов в самом начале книги.

Сноубордисты делятся на регуляров (regulars), которые катаются левой ногой вперед, и гуфи (goofies), которые катаются правой ногой вперед. Если сноубордист едет непривычной ногой вперед (регуляр правой, а гуфи левой), то это называется свитч (switch).

Хафпайп (halfpipe или сокращенно НР, дословно: половина трубы) – это сооружение в форме глубокого канала из твердого снега и льда, по виду похожее на продольно разрезанную трубу. Высота стенок должна быть выше трех метров (обычно 3–6 метров), длина – больше 80 метров, угол наклона – 15–20 градусов. Сноубордист разгоняется на склоне и выполняет различные трюки во время вылетов с вертикальной части хафпайпа. Во время проезда по хафпайпу сноубордист может выполнить до шести мощных или восьми невысоких прыжков. Если герои говорят, что «тренировались в трубе», «сегодня будут пробовать трюки в трубе», имеется в виду хафпайп. Если говорится о фронтсайд-стенке (frontside wall), то это значит, что сноубордист едет к ней лицом, соответственно бэксайд-стенка (backside wall) – это та, к которой он едет спиной.

Вращения считаются в градусах – от 180 и больше. Бывают вращения на 360, 540, 720, 900, 1080 и т. д. градусов. Вращения для краткости иногда называются по первой цифре, то есть вращение на 360 градусов будет называться «три», на 540 – «пять» и т. д., хотя 1080 называется «десять-восемьдесят». То есть «Я сделал трешку» означает не три оборота, а один оборот – вращение на 360 градусов. Можно делать вращения как из своей стойки, так и из свитча.

Направления вращения именуются фронтсайд (frontside), то есть «вперед» (против часовой стрелки для регуляров и по часовой стрелке для гуфи), и бэксайд (backside), то есть «назад» (по часовой стрелке для регуляров и против часовой стрелки для гуфи). Если вращение идет не из своей обычной стойки, то оно называется свитч фронтсайд (switch frontside) или свитч бэксайд (switch backside). Например, если регуляр, который обычно катается левой ногой вперед, подъезжает к краю хафпайпа правой ногой вперед и делает вращение по часовой стрелке, то это свитч бэксайд.

Грэб (grab) – захват доски рукой. Также грэбом можно назвать трюк, при котором сноубордист придерживает сноуборд рукой.

У сноуборда есть нос (nose) и хвост (tail). Бэксайд для сноуборда – та часть, где находятся пятки сноубордиста. Ноусгрэб (nosegrab) – передняя рука берет нос сноуборда. Тэйлгрэб (tailgrab) – задней рукой берется хвост сноуборда.

Биг-эйр (Big Air) – это длинный и затяжной прыжок с трамплина, во время которого выполняется какой-то трюк. Оценки на соревнованиях ставятся за сложность, амплитуду, четкость выполнения трюка, чистоту приземления.

Главная героиня хочет попробовать криплер (Crippler) – один из самых травмоопасных трюков, название происходит от слова «калека». Это смещенное вращение, когда сноубордист выполняет флип (flip) на 180 градусов, то есть вращается в воздухе на 90 градусов, делает флип и докручивает 90 градусов, выезжая в своей стойке в хафпайпе.

Бэксайд флип (backside flip) – сальто назад.

Инди-эйр (Indy Air) – бэксайд-вращение с грэбом задней рукой переднего края доски между креплениями.

Инверт (invert) – трюк, при исполнении которого сноубордист находится вниз головой.

Со всеми остальными трюками – метод (Method), мактвист (McTwist) и т. д. – которые герои упоминают, обсуждают и делают, желающие могут ознакомиться в Интернете – с описанием, рекомендациями по выполнению и видео. Впечатляет.

М. Ж.

Посвящается моим маме и папе, любителям гор

Пролог

Такое это время года. Время года, когда ледник возвращает тела.

Огромная масса льда там наверху – это замерзшая река, которая течет так медленно, что человеческий глаз неспособен уловить это движение. Недавние жертвы оказываются в ее прозрачных глубинах рядом со старыми. Некоторые появляются на самом верху, другие в конце ледника, и невозможно предугадать, кто будет следующим.

Может пройти много лет, прежде чем жертвы снова окажутся на поверхности. Даже десятилетия. О леднике в соседней Италии недавно рассказывали в новостях – он выбросил на поверхность мумифицированные трупы солдат, погибших во время Первой мировой войны, вместе со шлемами и винтовками.

То, что попало в ледник, в конце концов должно вернуться, поэтому я каждое утро просматриваю местные новости.

Я жду появления одного конкретного тела.

Глава 1

– Эй, есть тут кто-нибудь? – кричу я, и мой крик эхом отдается от окружающих меня бетонных стен.

Вагончик фуникулера, такой знакомой красно-белой расцветки, стоит у платформы, но в будке оператора никого нет. Солнце исчезло за Альпами, небо окрашено в розовый цвет, тем не менее в здании не включена ни одна лампочка. Где все?

Дует ледяной ветер, бьет по лицу. Я кутаюсь в куртку. Сейчас не сезон, курорт откроется только через месяц, поэтому я не ожидала, что будут работать другие подъемники, но думала, что этот все-таки включают. Иначе как мы поднимемся на ледник? Или я приехала не в тот день? Я ошиблась?

Я бросаю на платформу сумку со сноубордом и достаю телефон, чтобы еще раз проверить письмо, которое пришло по электронной почте. «Знаю, что мы давно не виделись, но как насчет встречи старых друзей? Проведем вместе выходные? “Панорама”, ледник Дьябль, Ле-Роше. Встречаемся у вагончика фуникулера в 17 часов, в пятницу, 7 ноября. К. х¹».

«К» – это Кертис. Если бы меня сюда пригласил кто-то другой, я бы просто стерла сообщение, оставив его без ответа.

– Эй, Милла!

Я вижу Брента, который вприпрыжку несется ко мне. Он на два года младше меня, значит, ему сейчас тридцать один, и он все еще не растерял своего мальчишеского шарма – непричесанные темные волосы свободно свисают по обеим сторонам лица, а когда он улыбается, появляются ямочки, хотя выглядит он измотанным и усталым.

Он сгребает меня в объятия, крепко прижимает к себе и отрывает от земли, так что мои ноги болтаются в воздухе. Я крепко обнимаю его в ответ. Я вспоминаю все те холодные ночи, которые провела в его постели. Я ругаю себя за то, что не связывалась с ним. Хотя после того, что случилось... Но он ведь тоже не пытался меня найти.

Я смотрю через его плечо и вижу острые горные пики, которые маячат вдаль на фоне темнеющего неба. Я на самом деле хочу быть здесь? Еще не слишком поздно. Я могу извиниться, придумать какое-то оправдание, прыгнуть в свою машину и поехать домой в Шеффилд.

Кто-то откашливается позади нас. Мы прекращаем обниматься и видим Кертиса.

Почему-то я ожидала, что этот высокий блондин и теперь будет выглядеть так, как при нашей последней встрече. Тогда он был на грани срыва. Горе сломило его. Но конечно, выглядит он совсем по-другому. У него было десять лет, чтобы прийти в себя и пережить случившееся. Или спрятать свое горе в какой-то укромный уголок внутри себя.

Кертис обнимает меня легко и быстро.

– Рад видеть тебя, Милла.

– И я тебя.

Мне всегда было трудно смотреть ему в глаза, потому что он такой красавчик, черт его побери – и до сих пор выглядит великолепно, – но теперь это еще сложнее.

Кертис и Brent обмениваются рукопожатием, кожа Кертиса выглядит бледной на фоне руки Брента. Они привезли с собой сноуборды; в этом нет ничего удивительного. Мы едва ли смогли бы приехать в горы без наших досок. На них джинсы, как и на мне, но мне забавно видеть, как из-под курток для сноубординга у них торчат воротники рубашек.

– Надеюсь, что от меня не требовалось прибыть при полном параде, – говорю я.

Кертис оглядывает меня с головы до ног.

¹ Буква «х» в конце послания (СМС) у современной английской и американской молодежи означает «целую, обнимаю». – Прим. пер.

– Сойдет, – заявляет он.

Я слатываю. У него все такие же голубые глаза, но они напоминают мне о человеке, о котором я не хочу думать. Также от Кертиса теперь не исходит тепло, которое я всегда чувствовала раньше. Именно ради него я приехала сюда, хотя поклялась себе никогда не возвращаться. И уже начинаю жалеть.

– Кого еще ждем? – спрашивает Brent.

Почему он смотрит на меня?

– Понятия не имею, – отвечаю я.

– Разве ты не знаешь? – смеется Кертис.

Шаги. Появляется Хизер. А это кто? Дейл? Не может быть! Они что, до сих пор вместе?

Раньше Дейл всегда ходил с растрепанными волосами, теперь они стильно подстрижены, а от пирсинга не осталось и следа. Он в модных ботинках для сноуборда, но выглядят они так, словно он ни разу в них не катался. Думаю, Хизер его укротила. Но по крайней мере, она разрешила ему взять с собой сноуборд.

Хизер одета в платье, черное и блестящее, с лосинами и сапогами до колена. Наверное, ей очень холодно, даже несмотря на то, что поверх платья надета куртка от Puffa. Когда она меня обнимает, я чувствую запах лака для волос, которым сбрызнуты ее длинные черные локоны.

– Я так рада тебя видеть, Милла!

Вероятно, она уже немало приняла на грудь перед тем, как добраться сюда, потому что слова кажутся искренними. Сапоги у нее на семисантиметровом каблучке, и благодаря им она оказывается сантиметра на два с половиной выше меня. Вероятно, она и обула их ради этого.

Она показывает мне кольцо.

– Вы поженились? – спрашиваю я. – Поздравляю!

– Три года назад, – отвечает она, и ее акцент кажется более сильным, чем когда-либо. Она из Ньюкасла, и по ее речи это сразу понятно.

Brent и Кертис хлопают Дейла по спине.

– Долго же ты собирался сделать ей предложение, братишка, – говорит Brent. Мне кажется, что и его лондонский акцент стал сильнее.

– На самом деле это я сделала ему предложение, – огрызается Хизер.

Дверца вагончика канатной дороги открывается со скрипом. Появляется сотрудник курорта в низко надвинутой на глаза форменной черной шапочке, подходит к нам сзади, волоча ноги. Он проверяет наши имена по списку, который закреплен на доске-планшете с зажимом, потом жестом приглашает нас зайти в вагончик.

Все остальные проходят мимо меня.

– Больше никого не будет? – спрашиваю я, пытаюсь выиграть время.

Кажется, что оператор подъемника больше никого не ждет. Он почему-то кажется мне знакомым.

Все остальные уже зашли в вагончик. Я неохотно присоединяюсь к ним.

– А кто еще мог бы быть? – спрашивает Кертис.

– Да, больше некому, – соглашаюсь я. Были еще люди, которые когда-то с нами катались, но они приходили и уходили, а из нашей изначальной компании остались только мы пятеро.

Или, правильнее будет сказать, только мы еще можем кататься.

На меня накатывает чувство вины. *Она никогда больше не сможет ходить.*

Оператор подъемника захлопывает дверцу. Я пытаюсь рассмотреть его лицо, но до того, как успеваю это сделать, он отворачивается, уходит с причальной платформы и исчезает в своей будке.

Вагончик начинает движение. Вместе с остальными, я как замороженная и затаив дыхание смотрю сквозь оргстекло. Мы летим над вершинами елей вверх, в горы, в угасающем свете дня. Странно видеть черную землю и траву внизу. Раньше был только снег. Я пытаюсь разгля-

деть сурков, но они, вероятно, спят. Мы пролетаем над скалой, и крошечная деревенька Ле-Роше исчезает из виду.

Я испытываю странные чувства, когда еду в этом подвешенном к тросу вагончике, а за окнами меняется пейзаж. Мне кажется, что мы не поднимаемся в горы, а путешествуем назад во времени. И я не знаю, готова ли я к встрече с прошлым.

Слишком поздно. Вагончик уже подходит к промежуточной причальной платформе. Мы выходим и вытаскиваем наш багаж. Здесь холоднее, а там, куда мы направляемся, будет еще холоднее. На ветру реет французский флаг. Плато безлюдно. Здесь уже нет коричневых и зеленых пятен, все белое. Выше будет только снег.

– Я думал, что к этому времени и долину уже завалит снегом, – говорит Brent.

Кертис кивает.

– Вот тебе и глобальное потепление.

Зимой это место становится центром горнолыжного курорта, во все стороны двигаются кресельные подъемники и кабины, но сегодня работает только один.

Хафпайп был прямо здесь, рядом с этим маленьким домиком. Сейчас же это место, скорее, напоминает длинную грязную канаву U-образной формы. Но у меня в сознании остался другой образ с чисто-белыми стенами. Это был лучший хафпайп в Европе в то время, и благодаря ему мы все тогда и встретились.

Боже, сколько воспоминаний. По коже побежали мурашки. Вспоминаю нас, таких молодых и веселых. Нас пятерых.

И еще двоих, которых нет.

Налетает порыв холодного ветра, треплет мои волосы, и они хлещут меня по лицу. Я застегиваю молнию на куртке до самого подбородка и спешу вслед за остальными.

«Пузырь»² поднимет нас почти на три с половиной тысячи метров над уровнем моря. Ледник Дьябль – один из самых высоко расположенных горнолыжных курортов во Франции. Блестящие оранжевые кабинки свисают с троса, напоминая рождественские елочные игрушки. Кертис заходит в ближайшую открытую кабинку.

Хизер тянет Дейла за руку.

– Давай поедem отдельно, – предлагает она.

– Нет, – говорит Дейл. – Заходи в эту. Мы все поместимся.

– Места полно, – поддерживает его Кертис и широким жестом обводит кабинку.

Судя по выражению лица, Хизер сомневается, и я ее понимаю. Эти маленькие кабинки теоретически рассчитаны на шесть человек, но мы с багажом. От того тесно. А из-за дурацкого чемодана, который она зачем-то притащила с собой, еще теснее.

Слишком высокий Brent наклоняется, чтобы войти.

– Ты можешь сесть ко мне на колени, Милла, – предлагает он. – Давай сюда сумку со сноубордом.

– У тебя на коленях может разместиться Дейл, – говорю я. – А я сяду здесь.

В результате Хизер оказывается на коленях у Дейла, рядом с ними сидит Кертис. Мы с Brentом устраиваемся напротив, в проход свалены сумки. И не только в проход, а везде вокруг нас. Дейл выглядит странно без своих дредов. У него нордический типаж, и он всегда напоминал мне викинга. А теперь он скорее выглядит как ведущий какой-нибудь телевикторины.

Мы быстро несемся над плато. Внизу пустота. Я забыла о том, какие тут гигантские пространства. Летом здесь много туристов и на склонах можно увидеть множество поднимающихся вверх пешеходных троп. Они идут зигзагами. Наверное, летом здесь очень красиво – множество альпийских цветов. Но сегодня можно увидеть только клочки бурой травы и крутые каменистые склоны. Нет никаких признаков жизни, даже птиц нет. Земля кажется голой.

² «Пузырь» – кабинка канатной дороги гондольного типа. – *Прим. пер.*

Мертвой.

Нет. Спящей. Ждущей.

Словно там, наверно, есть что-то еще. Я сглатываю и пытаюсь отделаться от этих мыслей.

Колено Кертиса ударяется о мое, когда мы проезжаем одну из опор канатной дороги. Он кажется мне необычно тихим, но я его понимаю. Если уж мне тяжело, то ему должно быть во сто крат тяжелее.

В приглашении не было про это ни слова, но очевидно, что мы здесь именно поэтому. За день до того, как пришло письмо от Кертиса, в новостях сообщили:

«Британская сноубордистка, пропавшая без вести десять лет назад, заочно признана умершей после судебного разбирательства».

Остальные тоже, наверное, не горели желанием сюда приезжать, но как мы могли отказаться? Вполне естественно, что Кертис хотел ее помянуть.

Теперь под нами уже снег, он отливает лиловым цветом в сумерках. Высоко над нами маячат скалы, благодаря которым деревня Ле-Роше и курорт получили свое название³. На самом верху находится «Панорама», которая отсюда кажется мрачным и приземистым строением.

– Как тебе это удалось, Милла? – спрашивает Brent.

– Что мне удалось? – уточняю я.

– Получить VIP-пропуск на ледник. Договориться о включении подъемника и так далее. Просто шикарно!

Я смотрю на него широко раскрытыми глазами.

– Ты о чем?

– Сейчас же не сезон. Все закрыто. Это, должно быть, обошлось тебе в кругленькую сумму.

– Почему ты думаешь, что все это организовала я? Это Кертис.

– Не понял, – говорит Кертис и странно смотрит на меня.

Что за игру они затеяли? Мы достаем наши телефоны. В последний раз, когда я поднималась сюда с телефоном, я разбила экран во время первого заезда, и еще на бедре у меня остался синяк в форме прямоугольника – как раз по размеру телефона. После того раза я перестала брать его с собой наверх.

Я показываю им письмо, которое получила, а Brent показывает мне письмо, которое получил он. Текст приглашения такой же, как пришел мне, только оно подписано «М», и еще там P. S.: «Потеряла телефон. Пиши на почту».

– А вот что пришло мне, – говорит Кертис и показывает приглашение – точно такое же, как получил Brent.

Я никогда не понимала Кертиса. Он решил так пошутить?

Кабинку трясет, когда мы проезжаем еще один столб, и у меня закладывает уши. Здесь уже настоящая крутизна. Мы только что начали долгий-долгий подъем на ледник.

Я поворачиваюсь к Дейлу и Хизер.

– Что говорится в вашем приглашении? – спрашиваю я.

Дейл мнетя.

– То же, что и в ваших, – отвечает Хизер.

– От кого оно – от М или К? – спрашивает Brent.

– М-м-м, от М, – Хизер бросает взгляд на меня.

Почему у меня возникает чувство, что она врет?

– Можно мне его посмотреть? – спрашиваю я.

– Прости. Я его стерла, – говорит Хизер. – Но оно было точно таким же, как у них.

³ Rocher – скала, скальная порода, валун (фр.). – Прим. пер.

Глава 2

Я не знаю, что ожидать на вершине. Музыки? Свечей? Официантов с подносами, на которых стоят бокалы шампанского?

Ничего такого нет. Причальная платформа тускло освещена и пустынна, будка оператора подъемника пуста. Мы вытаскиваем наши сумки из кабинки. Когда движение подъемника останавливается, воеет сирена. Вероятно, им сейчас управляют только снизу, экономят расходы на персонал. У нас над головами висит камера видеонаблюдения. Вероятно, сотрудники увидели, что мы успешно прибыли на причальную платформу. Но после странной истории с приглашением мне как-то не по себе. Судя по тому, как Хизер нахмурила лоб, ей тоже.

На меня смотрит Брент.

– Пока оставим вещи здесь?

– Меня не спрашивай, – отвечаю я.

Он ставит свои сумки на платформу. Я сомневаюсь, но потом бросаю и свои. Маловероятно, что их тут кто-то украдет.

Ступени металлические, фактически это металлическая решетка, они предназначены для покрытой снегом обуви. Я тяжело дышу к тому времени, как добираюсь до верха. Воздух здесь разреженный. Я толкаю открывающуюся в обе стороны дверь, которая ведет в «Панораму», и вдыхаю затхлый запах дыма, такой, какой бывает после того, как топили дровами. Но топили здесь давно. На мгновение я закрываю глаза. Этим запахом я дышала все зимы, и он больше всего ассоциируется у меня с тем периодом моей жизни.

Кертис нажимает на выключатель, и в обшитом деревянными панелями коридоре включается свет. Обычно тут идет нескончаемый поток лыжников и сноубордистов. Они проходят мимо шкафчиков, а потом выходят на ледник. Но сегодня вечером здесь неестественно тихо.

Кертис прикладывает ко рту сложенные рупором руки и кричит:

– Есть тут кто-нибудь?

Брент снова смотрит на меня; Дейл тоже смотрит. Я опять думаю про приглашения. Могли это организовать один из них? Нет, навряд ли. Как Брент правильно заметил, сейчас не сезон, курорт закрыт. В это время года провести выходные здесь может стоить несколько тысяч евро. Я слежу за Кертисом в соцсетях и знаю, что дела у него идут хорошо. Это должен был организовать он. Но зачем такая таинственность? А другие в курсе, или он каким-то образом заставил их поверить, будто это я их пригласила?

– Здесь должен кто-то быть, – говорит Кертис. – Давайте осмотримся.

Мы все бросаемся в разные стороны, словно дети, оказавшиеся к тематическом парке. Этот дом напоминает лабиринт. Это единственное здание на много миль вокруг. Оно представляет собой большое многофункциональное строение, в котором находится горноспасательная служба, диспетчерская и все остальное, что только может потребоваться посетителям и персоналу. Я знаю, где находятся ресторан и туалеты, вот, пожалуй, и все. Ах да, я еще один раз здесь ночевала – здесь есть крошечные комнатки для желающих. Самый высоко расположенный молодежный хостел во Франции!

Я бегу по коридорам и по пути везде включаю свет. Кругом масса закрытых дверей. Некоторые заперты, другие нет. Вот эта открывается. Боже, похоже, что именно в этой комнатке я и ночевала в тот единственный раз. Пахнет влагой и плесенью, и от этого запаха накатывают воспоминания. Брент подо мной на матрасе, его большие руки держат мои бедра. Я смотрю на единственную узкую кровать. Затем я выхожу и плотно закрываю дверь за собой.

За следующей дверью находится бельевая – грубые белые полотенца и выдавшие виды простыни сложены стопками на полках из сосны и пахнут дешевым моющим средством. Я чувствую, что откуда-то доносится запах еды, и нахожу кухню. На огромной плите стоят две

кастрюли. Я поднимаю крышки. В одной из них жаркое, в другой картофельное пюре. Все еще теплые. Это наш ужин? Но где тогда обслуживающий персонал?

Я вижу туалет, осторожно толкаю дверь, но там пусто и темно. Сразу за кухней находится погруженный во тьму ресторан, там запах древесного дыма настолько силен, что я кашляю, несмотря на то что камин не горит. В прошлом я провела здесь много часов, согревая пальцы о чашки кофе и пережидая снежные бури. Но сейчас все столы пусты, и я поворачиваю в еще один коридор. Остальные, вероятно, поднялись на этаж выше, потому что я больше их не слышу.

Еще какие-то складские помещения, еще запертые двери. Все лампочки с таймерами, и время от времени свет выключается раньше, чем я успеваю нажать на следующий выключатель. Тогда я остаюсь в полной темноте, и мне приходится пробираться вперед на ощупь. Я шарю по стене в поисках выключателя. От тишины становится не по себе. Если бы кто-то выскочил из-за какой-нибудь двери у меня за спиной, то у меня вполне мог бы случиться сердечный приступ.

Наконец что-то знакомое: главный выход на ледник. Я спешу к нему. Там никого не может быть в такое позднее время, и дверь, вероятно, заперта, но если все-таки не заперта, я хочу вдохнуть ледяной воздух. Как давно я его не вдыхала!

Дверь не заперта. Я чуть-чуть приоткрываю ее, и тут в здание с воем врывается ветер. Это высокий и неослабевающий звук. Он как-то странно похож на вой, какой мог бы издать человек. Я захлопываю дверь и стою около, тяжело дыша. Я знала, что столкнусь с этой проблемой, если вернусь сюда. Слишком много дверей, которые для меня было бы лучше не открывать.

«Возьми себя в руки, Милла!»

Хорошо. Я смогу. Мне надо выпить, пара стаканчиков – и со мной все будет в порядке.

Наверху есть банкетный зал, там проходят свадьбы и другие мероприятия. Такому маленькому курорту, как этот, полезно иметь такое помещение, оно приносит ему хороший доход, в особенности вне сезона. Я видела этот банкетный зал только на фотографиях, но, вероятно, сейчас все собрались в нем, потому что все остальные места внизу я проверила.

Вот лестница. Наверху находится тяжелая дверь, запасной выход на случай пожара. Воздух с другой стороны этой двери кажется еще холоднее. Легкий запах. Знакомый. Что это? Может, духи Хизер.

Голоса доносятся из-за двери справа.

«Стоп! – читаю я на плакате. – Игра началась. Телефоны следует оставить в корзине».

Я выдыхаю. Игра. Может, какая-то викторина? Нам будут задавать вопросы о сноубординге или о том, что мы помним друг о друге. Чтобы мы начали говорить о прошлом. А это как раз в стиле Кертиса – таким образом сказать нам, что делать, и чтобы ничего не отвлекало нас от того, что он задумал. Я опускаю телефон в корзину. Только...

Плакат снова привлекает мое внимание. «Игра началась». Один раз я сказала эту фразу ей... Нет, это распространенное выражение. Это ничего не значит. Я кладу телефон поверх других четырех, которые уже лежат в корзине, и захожу.

Банкетный зал словно нависает над горой. Пол покрыт белым ковром с густым ворсом, так похожий на снег снаружи, мебель в белых и серебристых тонах, несомненно, нерационально дорогая. Мягкие кресла обиты сатином, стеклянные столы на хромированных ножках. Эти роскошь и богатство резко контрастируют с грубой мебелью внизу. Здесь даже пахнет по-другому. Запах дыма исчез, вместо него пахнет свежей краской.

Вся задняя стена представляет собой одно огромное окно, белые бархатные занавески отдернуты в стороны и перевязаны шнуром. В дневное время отсюда, вероятно, открывается потрясающий вид, но сейчас за окном крошечная тьма. Ни одного огонька нигде. Как-то это жутко и внушает суеверный страх при нынешнем положении вещей, но если не думать обо всем этом, то банкетный зал – красивое место для празднования свадьбы.

Если вы можете забыть про то, сколько жизней забрал этот ледник.

И сколько тел он еще не отдал.

«Не думай об этом!»

Здесь так холодно, что у меня изо рта идет пар. И влажно. Вероятно, этим помещением не пользовались много месяцев. Все остальные уже что-то пьют. На серебряном подносе одиноко стоит одна бутылочка Kronenbourg 1664. Стекло кажется ледяным, когда я беру ее в руку. Раньше я любила эти маленькие бутылочки французского пива, сладковатого и пенистого. Но я не пила его с тех пор, как в последний раз была здесь.

Нас все еще пятеро. Персонал, наверное, где-то в коридоре. Кертис то и дело посматривает на дверь. Что он задумал?

Хизер сжимает рукой мое предплечье. На ногтях – французский маникюр.

– И как тебе эта игра?

– Какая игра?

Она ведет меня по ковру к высокому деревянному ящику, который стоит на низком столике. Рядом лежат ручки, конверты кремового цвета из хорошей бумаги и карточки. И еще ламинированный лист бумаги, на котором написан текст. Предлагаемая нам игра называется «Ледокол». Таким шрифтом обычно пишут чинопоследование⁴ на похоронах.

«И на свадьбах», – быстро напоминаю я себе. И вообще нам, наверное, таким образом хотят помочь снять напряжение и расслабиться. Хотя бы расколоть лед, если не растопить.

«Напишите какой-нибудь секрет о себе, о котором не знает никто другой. Положите карточку в конверт и опустите в ящик. Потом достаньте конверты, один за другим, и догадайтесь, кто что написал».

Я снова бросаю взгляд на Кертиса. Мне кажется забавным то, что он приложил такие усилия, ведь мы были бы счастливы просто напиться. Он широкими шагами идет к окну мимо меня. Стекло запотело, он вытирает его рукой и выглядывает наружу. Плавность его движений всегда напоминала мне движения мужчин-гимнастов, и она не изменилась до сих пор. Он и сейчас двигается с той же потрясающей грациозностью.

Мне нужно побольше выпить, чтобы осмелиться подойти к нему, поэтому я иду к Бренту. Я удивлена, увидев у него в руке бутылку пива. Он никогда раньше не пил.

– Ты все еще катаешься на сноуборде? – спрашиваю я.

– Раз в год, – говорит он. – Больше не могу себе позволить. Хотя до сих пор много катаюсь на скейтборде.

– Я это вижу по твоим ботинкам.

Его ботинки от DC так сильно поношены, что в одном месте у носка проглядывает палец. Раньше DC Shoes⁵ была одним из его спонсоров, но предполагаю, что эту пару ему пришлось покупать самому. Мне кажется трогательной его верность бренду, но это типично для Брента.

В ту зиму ему было двадцать один, он был очень худым, и энергия била из него фонтаном, как из подростка. Теперь он немного поправился. Из-за мешковатой одежды трудно точно определить, в какой он форме, но мне кажется, что в очень хорошей. И все еще носит спущенные до середины задницы джинсы.

Он смуглый благодаря отцу-индусу, и его внешность позволила ему начать успешную модельную карьеру – до того, как он увлекся сноубордингом. Я слежу за его успехами в Интернете, но из его Instagram мало что можно узнать. Мне хочется спросить, встречается ли он с кем-то, даже хочется спросить, есть ли у него дети, но он может не то подумать. А я просто хочу знать, счастлив ли он.

⁴ Чинопоследование – порядок молитв, песнопений и действий, совокупность которых составляет определенное богослужение. В англиканской церкви такие листки, о которых говорится в тексте, могут раздавать прощающимся, которые пришли на поминальную службу, а также гостям на свадьбе. – *Прим. пер.*

⁵ DC Shoes – американская компания, специализирующаяся на производстве обуви для спорта, в частности сноубординга и скейтбординга. – *Прим. пер.*

– Значит, на самом деле ты не приглашала меня сюда? – спрашивает Brent.

– Нет, – качаю головой я. – Я же уже говорила.

Кертис встречается со мной взглядом. Он все еще стоит у противоположной стены и выглядит... обеспокоенным? Вероятно, размышляет, где же обслуживающий персонал.

– Ты все еще катаешься? – спрашивает Brent, явно прилагая усилие, чтобы сменить тему на более безопасную.

– Нет, не катаюсь с тех пор, как уехала отсюда, – говорю я ему.

– Серьезно? Ни разу не каталась?

– Я много работаю.

Я вижу, как он удивлен. Тогда, десять лет назад, я могла думать только о сноубординге, и считала, что буду заниматься им до старости.

По правде говоря, катание приводит меня в ужас. Я боюсь того, в кого я превращаюсь, и боюсь, что могу разрушить жизни других людей. Как только я застегиваю крепления на сноуборде, ничто больше не играет роли.

Brent не знает, что я сделала. То есть он знает не все. Никто из них не знает.

И я намерена сделать так, чтобы они и дальше не знали.

Глава 3

Хизер хлопает в ладоши.

– Пора сыграть в «Ледокол», – объявляет она.

– Я голоден, как волк, – говорит Brent.

– И я тоже, – поддерживаю его я. – Я нашла в кухне жаркое.

Хизер надувает губы.

– Это будет весело. А потом поедим.

Она меня всегда так раздражала, или это замужество приучило ее командовать? Хизер допивает остатки вина из своего бокала. Может, она просто пьяна?

Brent ворчит, но Хизер раздает нам карточки, ручки и конверты. Я снова бросаю взгляд на Кертиса, но он на меня не смотрит и выходит из зала.

– Что мы должны написать? – спрашивает Brent.

– Что-нибудь скабрезное, какую-нибудь пикантную подробность, о которой никому не известно, – отвечает Хизер.

У меня пересыхает в горле. Я осушаю бутылку пива, но горло пересохло так, что тут не поможет никакой алкоголь. Я знаю, потому что у меня уже такое было десять лет назад, когда я отсюда уехала. Я грызу кончик ручки, пытаюсь придумать или вспомнить что-нибудь забавное. Я слышу голос Кертиса в коридоре. Он говорит по телефону. Это типично для Кертиса – заставить нас положить телефоны в корзину, когда он сам может пользоваться своим. Он разговаривает со своей девушкой? Он видит, как я за ним наблюдаю, и захлопывает дверь.

Я смотрю на свою чистую карточку, но я слишком сильно замерзла и проголодалась, чтобы четко мыслить. В конце концов пишу: «Кличка моего кота Тухлая Рыба⁶».

Brent исчез. Я опускаю свой секрет в конверт, а конверт – в отверстие в ящике, словно предназначенное для писем. Где Кертис раздобыл этот ящик? Он белый, но сочетается с остальными предметами в зале только по цвету. Сделан грубо, мой дед вполне мог бы соорудить такое – тонкие листы фанеры плохо склеены друг с другом, а потом их так же плохо покрасили.

Мне нужно в туалет. Женский находится на первом этаже, и к нему еще нужно пройти по коридору. Из крана течет такая холодная вода, будто вот-вот замерзнет в трубах. По крайней мере, так можно подумать.

Я возвращаюсь в банкетный зал. Brent откуда-то достал большой пакет картофельных чипсов. Я беру горсточку. Киваю на куртку Brentа. В таких катаются на сноуборде.

– Burton все еще обеспечивает тебя одеждой? Или тебе теперь приходится все самому покупать?

Он хрустит чипсами.

– Мне дают скидку.

– Везет же некоторым. Мне самой пришлось покупать полный комплект для этой поездки, – говорю я.

Я слизываю соль с пальцев. Десять лет назад я отдала весь свой инвентарь и всю экипировку для сноубординга одной французской девчонке, которая жила в доме на противоположной стороне улицы. Ей все это требовалось гораздо больше, чем мне.

Возвращается Кертис. Он закончил телефонный разговор и снова занимает пост у окна, повернувшись к нам спиной. На что он там смотрит? Там же ничего не видно!

Приходит Дейл с новой партией пива. Мы с Brentом берем по бутылочке.

⁶ В данном случае в английском языке игра слов: стейлфиш (дословно: тухлая рыба) – это еще и один из трюков в сноубординге. – *Прим. пер.*

– Готовы сыграть? – спрашивает Хизер.

– Секундочку, – говорит Кертис и еще раз выскальзывает из банкетного зала.

Судя по виду, Хизер готова взорваться. Я пытаюсь скрыть улыбку. Похоже, Кертис ушел специально, чтобы вывести ее из себя.

– Ты видел кого-нибудь из персонала? – спрашиваю я у Дейла.

– Нет, – отвечает он. – Похоже, мы тут одни.

– Похоже, – соглашается Брент.

– Но в кухне стояла горячая еда, – напоминаю я им.

– Да, я видел, – кивает Дейл. – Наверное, они решили, что мы сами в состоянии себя обслужить. Может, утром пришлют кого-нибудь на подъемнике, чтобы приготовить нам завтрак.

– И оставили целую группу гостей без присмотра? Меня это удивляет, – признаюсь я.

– Экономят, – высказывает свое мнение Дейл.

Брент согласно кивает.

– Да, такому крошечному курорту должно быть сложно удерживаться на плаву и конкурировать с другими, например, с таким гигантом, как Труа Валле⁷.

– А почему нам предложили эту игру? – спрашиваю я. – Ее тоже персонал готовил?

Они не могут ответить. А судя по тому, как они смотрят на меня, они все еще думают, что я сама имела к этому отношение.

– Мне достать конверты? – спрашивает Хизер, как только возвращается Кертис.

Не дожидаясь ответа, она открывает ящик снизу, вытаскивает первый конверт и разрывает его.

Мы все рассаживаемся на стульях. Что это она так возбуждена? Что такого, по ее мнению, мы могли написать на этих карточках?

– Я их все зачитаю, а затем мы будем гадать, кто что написал. Хорошо?

Хизер так дергается, что, похоже, она не только пьяна. Я думаю, что она еще что-то нюхает, или глотает «колеса», или колется. С другой стороны, и Кертис нервничает и проявляет нетерпение. Он сидит с абсолютно прямой спиной, напряжен и постоянно оглядывает зал.

Я не чувствую пальцев рук. Засовываю их между бедрами, чтобы согреть. Обтянутый сатином стул такой же холодный, как и все остальное в этом помещении.

Хизер зачитывает написанное на первой карточке и краснеет:

– «Мы переспали с Брентом».

Она с беспокойством быстро бросает взгляд на своего мужа, словно опасается, что он примет это за признание. Но он смотрит на меня, как, впрочем, Брент и Кертис.

– Я это не писал, – говорит Кертис.

Мы все смеемся.

Все, кроме Хизер.

– Мы же договаривались, что прочитаем все, и только потом будем отгадывать.

Она пытается командовать Кертисом. Ну-ну. Попробуй.

– Я этого тоже не писала, – говорю я.

Мужчины снова смеются. Хизер гневно смотрит на меня.

– Не смотри на меня. – Дейл поднимает руки, словно хочет ей сдаться.

Снова смех.

Кто-то из мужчин наверняка написал это, желая пошутить. Вероятно, Кертис.

⁷ Труа Валле (дословно: Три долины) – крупнейший горнолыжный регион на планете, который раскинулся на территории трех альпийских долин, с высочайшим уровнем инфраструктуры и сервиса. – *Прим. пер.*

Хизер уже открывает следующий конверт. Ее поспешность меня удивляет. Между нею и Brentом что-то было? Если и было, то она, несомненно, не стала бы объявлять об этом всем и каждому. В ту зиму они очень быстро сошлись с Дейлом, фактически в самом начале сезона.

Хизер откашливается.

– «Мы переспали с Brentом», – ее голос становится слишком эмоциональным.

Снова смех, на этот раз более громкий. Смеемся мы с Brentом и Кертис. Дейл даже не улыбаются.

Кертис хлопает Brentа по плечу.

– Неудивительно, что ты не выиграл Олимпиаду. Ты совсем не высыпаешься!

Мне приятно видеть, что Кертис выглядит более счастливым. Этот «Ледокол» на самом деле оказывается игрой, помогающей расслабиться и завязать разговор. Желаемый эффект достигнут. Мы начинаем согреваться – то ли от того, что нам весело, то ли от смущения – несмотря на низкую температуру воздуха. Я с удовольствием наблюдаю за тем, как Хизер ерзает. Судя по выражению лица Дейла, если между его женой и Brentом когда-нибудь что-то и было, для него это новость.

Brent с Хизер переглядываются. Brent хмурится. «Что за игру ты затеяла?» – говорит выражение его лица. Brent считает, что это написала Хизер! Хизер отвечает на его немой вопрос легким покачиванием головы. Что это означает? «Не сейчас»? Или она хочет сказать, что не писала это?

Я в изумлении. Мысли судорожно крутятся в голове. Если Brent думает, что одно из этих признаний написала Хизер, то это означает, что он на самом деле с ней переспал?

Я вытягиваю шею, чтобы увидеть почерк, хотя я его не узнаю – в ту зиму мы мало писали от руки. В любом случае текст на карточке, которую держит в руках Хизер, написан ровными печатными буквами. Так пишут, когда не хотят, чтобы кто-то узнал, что это писали вы. Наверное, это шутка. Должна быть шутка. Кертис с Brentом заранее договорились так пошутить, чтобы нас всех встряхнуть. Кертис с Дейлом никогда не ладили. Но вообще-то удивление Brentа показалось мне искренним.

Я могла бы высказаться, заявить, что это писала не я, что обе эти карточки не мои, но я решаю подождать и посмотреть, что написано на следующей.

Хизер открывает третий конверт. Она смотрит на карточку и резко втягивает воздух.

– «Мы переспали с Саскией».

На этот раз не смеется никто. Это уже выходит за рамки допустимого.

Несмотря на то что мы такие разные, я не могу представить, зачем кому-то из присутствующих здесь было это писать. Насколько мне известно, только один человек из присутствующих переспал с Саскией, и я не думаю, что это было известно многим. Наоборот, этого не знал почти никто. Я прилагаю усилия, чтобы не смотреть на Brentа. Как и на Кертиса.

Хизер смотрит на своего мужа и явно раздумывает, не он ли это написал. Если я и дальше буду придерживаться моего предположения, что признания на первых двух карточках написали Кертис и Brent, то получается, что это написал Дейл. Но зачем, черт побери, он это сделал?

Хизер разрывает следующий конверт. Наверное, думает, что хуже уже быть не может.

Но очевидно, может, потому что она моргает и поднимает глаза, по которым видно: она шокирована.

– «Я знаю, где Саския».

Кертис выхватывает карточку из ее рук и смотрит на текст с каменным выражением лица.

– Это шутка? – спрашивает он.

Никто не отвечает.

– Кто-то из присутствующих на самом деле написал что-то из этого?

Мы обводим глазами зал. Качаем головами.

Мне становится очень не по себе. Я бросаю взгляд на окно, за ним – кромешная тьма, и это напоминает мне, что мы здесь одни. Здесь только мы пятеро. Никого нет на много миль вокруг. Мне нужно знать, на самом ли деле нас сюда пригласил Кертис. Потому что если приглашал не он...

Я смотрю на дверь, думая о длинных темных коридорах, которые тянутся за ней. Там кто-то есть?

– Давайте послушаем, что написано на последней, – нарушает молчание Brent.

Хизер открывает последний конверт и бледнеет. Карточка падает из ее руки на пол.

Я поднимаю ее.

«Смерть Саскии – моих рук дело».

Глава 4

Десять лет назад

Девушка высоко взлетает над хафпайпом, ее светлые волосы вылезают из-под шлема. Она платиновая блондинка. И катается она классно. Во время последней попытки она выполнила полтора оборота – вращение на пятьсот сорок градусов. Она тормозит прямо передо мной, вспахивая снег так, что он осыпает меня всю.

Я знаю, кто это. Саския Спаркс. В прошлом году она выиграла у меня на Чемпионате Великобритании по сноубордингу. Она заняла третье место, я оказалась четвертой.

А в этом году я выиграю у нее.

У меня тоже светлые волосы, но на несколько тонов темнее, чем у нее. Меня многие узнают по волосам, светлые волосы вообще являются отличительным признаком, и если я узнаю ее, то она, вероятное, узнала и меня, но если и узнала, она этого не показывает. Она просто отстегивает крепление на задней ноге и катится к подъемнику.

Я подхватываю рюкзак и спешу за ней. Я много слышала про нее. Ее прозвали Снежная Королева.

Пропуск на подъемник у меня в кармане. Я касаюсь бедром сканера, дожидаясь сигнала, затем прохожу сквозь турникет. Подъемник тут примитивный – бугельный, в виде обшарпанных пластиковых Т-образных перекладин, которые свисают с потрепанного движущегося каната. Я хватаюсь за ближайшую Т-образную перекладину, сажусь на нее верхом и наблюдаю за происходящим вокруг, пока подъемник тянет меня вверх по склону.

Местность здесь считается непроходимой: много естественных препятствий, острые скалы, узкие ущелья. Склоны слишком крутые для праздно отдыхающих граждан и поэтому не пользуются популярностью у обычных людей. Но именно поэтому Ле-Роше считается культовым местом у профессиональных горнолыжников и сноубордистов.

У курорта есть еще один плюс: хафпайп. Хафпайп в Ле-Роше привлекает сноубордистов. Это эквивалент ramпы в скейтбординге – длинный белый канал, который тянется вверх по склону. Его строили по олимпийским требованиям: длина составляет сто пятьдесят метров, высота снежных стен с каждой стороны – по шесть метров. Судя по виду, сделано хорошо.

Райдеры катаются туда-сюда, на одну стенку, на другую, вылетают вверх из ледяной полутрубы и выполняют все виды безумных трюков. Трудно определить, кто есть кто из-за шапок, шлемов и очков, но тут совершенно точно есть несколько известных сноубордистов, которые тренируются, чтобы завтра выступить на Le Rocher Open – открытом турнире в Ле-Роше.

Жаль, что я не приехала сюда раньше. Сезон начался две недели назад, пятого декабря, но я все еще работала. Я должна была накопить достаточно, чтобы продержаться всю зиму – только так я смогу сосредоточиться на тренировках. Я никогда не войду в первую тройку, если и дальше буду работать по ночам в каком-то заштатном баре. Паршивая была работа. Но в любом случае я здесь. Время наверстывать упущенное.

Саския снова на вершине трассы. Она приехала сюда на весь сезон или только на турнир? Она разгоняется и снова выполняет вращение на пятьсот сорок градусов. Тренирует приземления, и они у нее получаются.

Когда я впервые в жизни увидела хафпайп, крутизна почти вертикальных стен привела меня в ужас. Но это иллюзия. Вертикаль⁸ – ваш друг. Вы должны правильно на нее приземляться и тогда поймете, насколько она мягкая. Вы не ощутите приземления, но только если оно правильное. Лед жесткий, как бетон, поэтому, если вы смажете приземление, вас ждут проблемы.

⁸ Вертикаль – участок стены в хафпайпе между краем и переходом. – Прим. пер.

Я чувствую страх, когда застегиваю крепления на ботинках. Он словно покалывает, пощипывает меня изнутри. Ладони становятся влажными в кожаных перчатках, предназначенных специально для катания в трубе. Я нервничаю больше обычного, потому что у меня новый сноуборд – Magic Ripemaster 157 от моего первого в жизни спонсора.

Обычно я делаю что-нибудь простенькое при первой попытке, чтобы «прощупать» хафпайп, но тут Саския – девушка, которую мне нужно победить. Поэтому я тоже собираюсь попробовать сделать вращение на пятьсот сорок градусов в самом конце первого заезда. Вначале я разгоняюсь – еду вниз по трубе, потом вниз со стены по переходу на основание, вверх на противоположную стену – и взлетаю в воздух.

Моя передняя рука находит хвост сноуборда, и я крепко сжимаю его. Бэксайд-эйр. Я парю надо льдом, мыслей нет, я не думаю ни о чем, ничего не вижу, ничего не слышу. Только чувствую. Эти мгновения в невесомости драгоценны – мгновения, когда ты зависишь наверху и сила тяжести еще не успела притянуть тебя назад. Ради них я полгода работаю на трех работах и заставляю себя тренироваться в спортзале.

Я опускаюсь вниз, касаюсь земли, я возбуждена и хочу еще! Снова и снова, от стены к стене, как маятник. Когда я взлетаю в воздух в последний раз во время этого заезда, я заставляю себя крутиться – и у меня получается вращение на пятьсот сорок градусов. Едва. Мои руки дрожат, когда я отстегиваю крепления. Мне нравится эта доска. Я сохраню ее навсегда – повешу на стену, чтобы потом показывать внукам.

Саския пешком идет вверх, потому что у подъемника очередь, и я тяжелым шагом отправляюсь вслед за ней. Снег ослепительно белый. Как он невероятно блестит! Белая альпийская зима так сильно отличается от серой зимы в городе. Мои глаза еще не привыкли.

Во время следующего заезда Саския выполняет два вращения на пятьсот сорок градусов во время двух последних вылетов из хафпайпа. И еще оба раза – сальто назад с большой амплитудой. У меня от страха крутит живот. Я всегда думала, что после того, как найду спонсоров, я смогу расслабиться и просто получать удовольствие. Как я ошибалась! Давление усилилось в десять раз, и теперь мне еще нужно поддерживать определенный имидж! Я не могу подвести своих спонсоров.

Я представляю вращения в голове, когда застегиваю крепления. Мне нужна большая амплитуда при первом трюке, нужно достаточно времени в воздухе. Сделаю первый – тогда сделаю и второй. Поехали.

Проклятье! Я только что приземлилась лицом в снег перед всеми этими обедающими людьми. Сколько же их тут внизу! Я выплевываю снег, вытираю очки и спешу назад на вершину трассы. Колено пульсирует, и я даже не хочу знать, видела ли Саския мое позорное приземление.

Я должна это сделать. Первая тройка в рейтинге – это другой уровень. Это разница между полупрофессионалом и профессионалом. Если ты профессиональный сноубордист, это означает, что ты можешь тренироваться круглогодично. В отличие от Саскии, я не из богатой семьи, но хочу добиться успеха в этом деле больше, чем я когда-либо чего-то хотела в жизни.

Я делаю еще одну попытку. Еще один провал. Я падаю на правую руку, она принимает на себя всю силу удара, и боль пронзает всю руку. Мне кажется, что я вижу, как Саския ухмыляется, когда я поднимаюсь. Приходится сделать еще четыре попытки, и тогда наконец у меня каким-то образом все получается. А Саския делает вращение на семьсот двадцать градусов. Черт ее побери! Два полных оборота высоко в воздухе надо льдом.

Солнце ярко освещает хафпайп. Каждый раз, когда я выполняю какой-то трюк, какое-то вращение, Саския поднимает планку. Я напрягаюсь, как только могу себе позволить. Если я себе что-нибудь сломаю перед завтрашним «Le Rocher Open», то мне конец. Тогда все пропало!

К середине дня моя бутылка с водой снова опустела. Я уже один раз спускалась на промежуточную платформу, чтобы ее наполнить. Я оставляю свой сноуборд внизу хафпайпа, как

и в прошлый раз, и он лежит среди множества других ярких, разноцветных досок, а сама бегу по плато.

По пути назад я прохожу мимо семьи горнолыжников – мама, папа и малыш. Они о чем-то оживленно спорят у края скалы. Я смотрю вниз и понимаю о чем. На снегу внизу лежит крошечная голубенькая рукавичка.

Я снова смотрю на семью. Ребенок в слинге сидит на груди у отца. Он тепло одет, и ему не страшна никакая непогода. Видны только маленькие розовые щечки. И одна маленькая голая ручка. Вероятно, ребенок сбросил рукавичку, когда они ехали на кресельном подъемнике, который сейчас грохочет над головой. Курорт Ле-Роше не ориентирован на семейный отдых, и это первая семья с маленьким ребенком, которую я здесь когда-либо видела. Вероятно, это местные жители.

Я оглядываю скалу со всех сторон. Мне много раз доводилось прыгать и с более высоких. «Если высота не превышает шести метров, то это даже не скала», – написали в Whitelines⁹. Но это отнимет у меня тренировочное время. Я смотрю через плечо на хафпайп, где Саския еще больше уйдет в отрыв. Затем я смотрю на малыша и его голую ручку. Бедняжка! Не осознавая, что делаю, я засовываю бутылку с водой в свой спортивный бюстгальтер и бегу к краю. Женщина прикрывает рукой рот, когда я прыгаю.

Уже в воздухе до меня доходит. Я прыгала со скал только на сноуборде. Это будет больно...

Я лечу по воздуху. Внизу маячат пушистый снег и камни. Когда мои ботинки касаются поверхности, я группируюсь и качусь – и останавливаюсь в снегу. Я вся в снегу. Я приподнимаю очки и вижу лица шокированных членов семьи, которые смотрят на меня сверху, с края скалы. Так, где эта рукавичка?

Вставая на ноги, я чувствую боль в колене. Дает знать о себе старая травма. Это иногда случается, а сегодняшние падения пошли мне совсем не на пользу. Я поднимаю рукавичку вверх, и родители аплодируют. Я с силой кидаю ее вверх – так высоко, как только могу. Мужчина ловит ее в воздухе, они благодарят меня, и семья исчезает из вида. Теперь мне нужно придумать, как подняться наверх.

Я долго пробираюсь по глубокому паудеру¹⁰, какими-то боковыми тропами. Наконец я снова оказываюсь у хафпайпа, вся мокрая и усталая. И все это только ради чертовой детской рукавички.

На мне термобелье, верхняя часть точно промокла под мышками и прилипает к телу, и я уже опять выпила половину бутылки воды. Но по крайней мере, мой сноуборд лежит там, где я его оставила. Саския сидит рядом, подставив лицо солнцу. Она так и не признала меня, но как только я беру свою доску, она хватается за свою и несется к подъемнику. Я спешу за ней, пытаюсь сконцентрироваться.

Когда мы поднимаемся вверх, я вижу, как фигура в куртке мятного цвета закручивает невероятный трюк. Черт побери – это девчонка! Обычно девушек легко опознать по стилю катания – меньше силы, больше осторожности, но эта выполняет трюки, как парень. Какие отточенные движения! Как мне с ней соревноваться? Надо надеяться, что она не британка.

Я беру себя в руки. Сейчас меня должна беспокоить Саския. Она начинает движение, пока я застегиваю крепления. Проклятье! Она только что сделала вращение на семьсот двадцать градусов и сальто назад. Не думаю, что смогу это повторить.

«Вперед! Твои спонсоры от тебя откажутся, если узнают, какая ты трусиха!»

⁹ Whitelines – журнал, также называемый «Библией сноубордиста» – все о сноубординге. – Прим. пер.

¹⁰ Паудер – рыхлый снег, который любят сноубордисты. Встречается только на больших высотах. – Прим. пер.

Я делаю глубокий вдох и бросаюсь вперед, но мой сноуборд катится медленно и не реагирует так, как нужно. Вроде я проехала уже весь хафпайп. Во время последнего вылета у меня получается только один полный оборот. Жалкое вращение на триста шестьдесят градусов.

Я уже не контролирую свои движения, просто лечу вниз на скорости, хватаюсь за нос сноуборда, падаю у колен какого-то несчастного парня и сбиваю его в снег. Он валится на спину.

Блестяще. Я только что сбила с ног Кертиса Спаркса, трехкратного чемпиона Великобритании по хафпайпу и старшего брата Саскии.

– Прости!

Он помогает мне подняться.

– Ничего страшного. Ты в порядке?

– Да, а ты? Я ведь сильно в тебя врезалась.

Ему весело.

– Живой.

Я уже много лет влюблена в этого парня. Он не просто великолепен и очень талантлив. Когда его спросили, почему он не участвовал в отборе на последние зимние Олимпийские игры, он посмотрел прямо в глаза журналисту и ответил: «Потому что я недостаточно хорошо катаюсь для этого». Он даже не упомянул, что незадолго до отборочных стартов у него была серьезная операция. Никаких оправданий. Он сам свой самый суровый критик. Я полюбила его за это.

Я поднимаю очки, чтобы посмотреть, что там с моим сноубордом.

– Я в прошлом году видел тебя на чемпионате Великобритании.

– Да, и я тебя видела, – говорю я ему.

Меня несколько выбивает из колеи то, как он на меня смотрит, это волнует и возбуждает, и я пытаюсь скрыть свое смущение, разглядывая сноуборд.

– Мои крепления опять ослабли. У тебя, случайно, нет отвертки?

– Давай посмотрим.

Кертис склоняется над моим сноубордом и берет крепления своими большими руками. Волосы у него светлые, но темнее, чем у сестры, и коротко подстрижены, кожа золотистого цвета, но вокруг глаз – белые круги из-за очков.

– Эй, Сасс! – кричит он.

И вот она уже близко и наблюдает за нами.

– Что ты сделала с моей отверткой? – спрашивает он.

Саския подходит с большой отверткой с пластиковой ручкой пурпурного цвета.

– Спасибо, – говорю я и беру у нее отвертку.

Она поднимает очки неоновро-розового цвета на шлем, но молчит. Глаза у нее удивительные. Я видела их на фотографиях, но в жизни они еще пронзительнее – даже более голубые, чем у ее брата.

Я подтягиваю крепление, вкладывая в это всю свою силу, потому что не хочу, чтобы оно снова разболталось. Мне сегодня уже один раз пришлось позаимствовать отвертку у какого-то парня на вершине.

– Хочешь я затяну покрепче? – предлагает Кертис.

– А что, похоже, что у меня руки не из того места растут?

Слова вылетают до того, как я успеваю заставить себя заткнуться. Да, грубо, я знаю, но находилась бы я здесь, если бы не умела сама подкручивать крепления?

Кертис с трудом сдерживает улыбку и осматривает меня с головы до ног.

– Не вижу никаких проблем ни с руками, ни с ногами. Ни с чем.

Мои щеки пылают. Я отдаю ему отвертку. И замечаю, что штаны внизу у него порваны.

– О боже, я тебе штаны порвала!

Он улыбается шире.

– Не беспокойся о них. Я за них не плачу. Можешь падать на меня в любое время.

Этот парень не может не флиртовать? Да еще и на глазах у сестры!

– Странное дело, – говорю я. – Мои крепления сегодня ослабли уже во второй раз.

Боже, что я несу.

Улыбка исчезает с его лица, и он поворачивается к своей сестре.

– Правда? – говорит он, продолжая смотреть на сестру.

Почему он так на нее смотрит?

Саския поправляет волосы, рассыпавшиеся по плечам.

– Наверное, все дело в теплой погоде. Отверстия в доске снизу расширились или что-то в этом роде.

– Ты сегодня ни в чем не уступаешь моей сестре, – говорит мне Кертис, все еще глядя на нее. – Достойная соперница! Саския сегодня делает такие трюки, которых я от нее не ожидал. Даже не знал, что они ей по плечу.

Саския мрачнеет. Может, я и не так и сильно от нее отстаю.

– Привет. Меня зовут Саския, – протягивает она мне руку.

– А меня Милла.

Она улыбается.

– Я знаю. Сегодня вечером придешь в бар «Сияние»? Там организуют вечеринку перед завтрашними соревнованиями.

Я колеблюсь.

– Обычно я никуда не хожу перед соревнованиями.

– Почему? Боишься? – склоняет голову набок Саския.

Я мысленно выражаюсь непечатно.

– Нет. Я приду.

Глава 5

Наши дни

Мы передаем друг другу «секреты» в холодном банкетном зале. Все они написаны одинаковыми печатными буквами.

– Что происходит? – спрашивает Кертис очень тихим голосом. Его тон не предвещает ничего хорошего.

Судя по выражениям лиц, все поставлены в тупик. Дейл сжимает и разжимает кулаки. Brent сжимает горлышко еще одной бутылки пива. Хизер переводит взгляд из угла в угол.

Теперь я не думаю, что эту игру придумал Кертис. Кто угодно, но только не он. Такую ярость разыграть невозможно. Он не притворяется, и он не стал бы говорить или писать подобные вещи про свою сестру.

Он хватается за ящик и яростно его встряхивает. Он явно хотел бы и нас так встряхнуть. Хорошо потрясти, чтобы получить ответы.

Внутри ящика что-то перекачивается. Кертис запускает руку в отверстие снизу. Стучит.

– Там есть ложное дно, – сообщает он, ставит ящик назад на стол и прикладывает глаз к длинной узкой щели сверху. – Наши конверты все еще там.

Мы все потрясены и молчим. И все подходим, чтобы посмотреть.

Я забираю ящик у Кертиса. Примерно на середине деревянная вставка разделяет его на две части. В верхней части можно рассмотреть наши конверты, хотя и с трудом, нижняя часть теперь пуста. Ящик из зала не выносили. Мог ли кто-то из нас положить в него второй набор карточек так, чтобы этого не увидели другие, или это было сделано заранее?

– Дай мне посмотреть, – просит Brent.

Я передаю ему ящик. Он бьет по нему ногой, и ящик распадается на части.

– А смысл? – бормочет себе под нос Кертис.

Он прав. Готова поспорить: то, что мы написали, не идет ни в какое сравнение с секретами, которые зачитала Хизер.

Хизер хватается за один из конвертов с пола, открывает его и зачитывает:

– «Я теряю сознание от вида крови».

Никто не слушает.

У Кертиса глаза горят гневом.

– Это кто-то подстроил. Кто?

Он подолгу смотрит на каждого из нас. Взгляд суровый. Мы по очереди сжимаемся под этим взглядом.

Я пытаюсь отделаться от мысли, что это он пригласил меня сюда. Частично из гордости. Мне это польстило – я подумала, что это что-то значит. Я *надеялась*, что это что-то значит. Но если эту встречу организовал не Кертис, то кто?

Brent встает.

– К чертям собачьим все это. Мне нужно выпить что-нибудь покрепче.

Дверь с грохотом захлопывается за ним.

У Хизер на щеках появляются маленькие розовые пятна. Потом я найду ее где-нибудь одну и спрошу насчет Brentа, потому что я должна знать. Если она с ним спала, то до или после того, как она сошлась с Дейлом? И до или после того, как Brent спал со мной?

Дейл отводит ее к окну, они стоят там и что-то обсуждают тихими голосами. Он спрашивает ее про Brentа? Должно быть.

Мне кажется маловероятным, чтобы это все организовала Хизер. Первые три секрета, похоже, специально предназначались для того, чтобы ее смутить. Или я должна так думать? Она же лгала, когда говорила мне про свое приглашение.

Я потягиваю пиво маленькими глотками, мне хочется выпить чего-нибудь покрепче – и внезапно подпрыгиваю на месте. У меня за спиной оказывается Кертис. Если этот парень хочет, то может подкрасться тихо, как кот.

– Это имеет какое-то отношение к тебе, Милла?

– Нет, – говорю я. – Конечно, нет.

Судя по выражению лица, я его не убедила.

– Расскажи мне про приглашение, которое ты получил, – прошу я. – Когда ты его получил?

– Примерно две недели назад.

– И я тоже.

Времени было мало, но я бросила все дела. «Потому что оно было от тебя!» Может, мы и не разговаривали эти десять лет, но я не могла упустить возможность снова с ним встретиться.

– Сообщение пришло на телефон или на электронную почту? – спрашиваю я.

– На почту.

– С какого адреса оно было отправлено?

Мне следовало спросить об этом раньше, когда они с Брентом показывали мне свои приглашения.

Кертис смотрит через зал на Дейла и Хизер.

– «М Андерсон» или что-то в этом роде. Почтовый ящик на Google.

– У меня нет ящика на Google. Мое приглашение пришло от «К Спаркс». Тоже ящик на Google.

Я столько времени обдумывала ответ на письмо. Упомянуть ли мне Саскию? Выразить ли соболезнования? Я даже подумывала ему позвонить. Телефонный номер в приглашении указан не был, но на его сайте их было несколько. В конце концов я струсила. Сложные разговоры лучше вести с глазу на глаз.

«Прекрасная мысль! – написала я в ответ. – Я приеду. Рада получить от тебя весточку. Чем занимаешься?»

Он прислал ответ: «Рад, что можешь приехать. До скорой встречи».

Я испытала разочарование, но объяснила такой ответ его занятостью. И ведь он же мужчина. Какой мужик пишет больше, чем необходимо?

Я допиваю бутылку пива. В отличие от Брента, Кертис прекрасно выглядит для своего возраста. Он чисто выбрит, на подбородке четко видна ямочка. Вероятно, он недавно был в каких-то теплых краях, потому что загар еще не сошел. Светлые волосы теперь длиннее, чем раньше, но такая прическа ему идет. На нем голубая куртка от «Спаркс» с белой оторочкой на рукавах. Судя по фотографиям в социальных сетях, вся его семья теперь носит этот бренд.

Или, точнее, оставшиеся члены семьи.

– Ты с кем-нибудь поддерживала связь? – спрашивает Кертис.

– Нет, – отвечаю я.

– Даже с Брентом?

Он спрашивает из любопытства или не только?

– И с ним тоже нет.

Я хочу задать ему множество вопросов. Сколько времени он проводит на снегу? Где он живет? Встречается ли он с кем-то? Я разглядываю его лицо, пытаюсь увидеть следы той теплоты, которая всегда исходила от него, или хотя бы какой-то знак, показывающий, что он меня не ненавидит.

Но Кертис настроен по-деловому.

– А хоть с кем-то, кто был здесь в ту зиму?

– Ни с кем.

Та зима для меня закончилась, когда я прыгнула в свою машину и уехала, оставив бурю позади. Я стерла их из своего аккаунта в Facebook. Из своего телефона. Из моей жизни. Теперь я об этом сожалею, но я хотела начать все с чистого листа.

– Но меня легко найти онлайн. Я – персональный тренер, у меня есть блог и свой сайт.

Если он и искал меня в Интернете, он этого не показывает.

– Молодец.

– У тебя тоже есть?

– Ага.

Очевидно, что Кертис оказался таким же талантливым в бизнесе, как и сноубординге, потому что компания «Спаркс Сноубординг», занимающаяся изготовлением верхней одежды, которую он основал семь или восемь лет назад, хорошо раскрутилась и процветает. И мне нравится, как он ведет дела. Он еще каждое лето организует лагерь для тех, кто занимается фристайлом¹¹. И в этих лагерях он тренирует детей из бедных семей вместе с восходящими звездами. Также он борется против изменения климата, пытаясь защитить ледники, чтобы будущие поколения могли также насладиться ими.

В противоположном конце зала Дейл повышает голос, но снова его понижает, когда замечает, что мы на него смотрим. Хизер качает головой, судя по языку жестов и телодвижений, она защищается. Мне не нравится то, что я вижу. Если он только пальцем ее тронет, я вмешаюсь.

Брент возвращается с бутылкой Jack Daniels и стопкой стаканов. Я тяну руку за одним из стаканов.

– Отличная идея. Может, я хоть согреюсь, – говорю я.

Брент наливает мне виски, его рука при этом дрожит. Я делаю маленький глоток и морщусь. Боже, крепкий.

Дейл и Хизер продолжают спорить. В его голосе слышится злость, она говорит жалобно. Слов не разобрать.

– Хочешь, Кертис? – предлагает Брент.

– Нет, спасибо. Так где ты теперь работаешь? – спрашивает Кертис.

Брент щедро наливает себе виски в стакан и осушает его.

– Кирпичи кладу, – говорит он. – Каменщик я.

Не знаю, чего я ожидала, но только не этого.

– Семейный бизнес, – поясняет Брент, вероятно, увидев выражения наших лиц.

После того, как он нам это сообщает, я обращаю внимание на ширину его плеч, на грубые руки, на слегка согнутую спину.

Я думаю о том, как он мечтал выступить на Олимпиаде, и чувствую щемящую тоску.

Слава мимолетна для большинства спортсменов и в особенности в таких опасных видах спорта, как наш. Ты на пике, у тебя кружится голова, тебя ставят на пьедестал и чествуют, как героя, но стоит совершить одну ошибку – и всему этому приходит конец. Ты можешь врезаться в край хафпайпа, приземляясь слишком быстро или слишком медленно, ты можешь попасть в борозду или выемку, оставленную предыдущим райдером. Ты чуть-чуть не рассчитал – и все. Или может просто не повезти. Ставки слишком высоки, и если бы мы о них задумывались, мы вообще не совершали бы трюков и прыжков, если только не хотели бы покончить с собой.

Все мы падаем, рано или поздно. Но почему-то кажется, что Брент упал ниже всех и с большей высоты. Он был «золотым мальчиком» у Burton, лицом энергетических напитков «Смэш». На протяжении многих лет я следила за рейтингами, надеясь увидеть его фамилию, но он исчез со сцены, совсем, как и я. Я предполагала, что он получил серьезную травму, но

¹¹ Фристайл (дословно: свободный стиль) – вольное катание в сноубординге с прыжками, трюками, обходом препятствий. – Прим. пер.

теперь я в этом сомневаюсь. Почему он прекратил участие в соревнованиях? Эта причина как-то связана со мной? Если связана, я думаю, что этого не вынесу.

Кертис первым приходит в себя.

– И как оно? – спрашивает он.

– Это просто работа, – отвечает Brent, судя по голосу – занимает оборонительную позицию.

– У тебя есть сайт? – спрашиваю я.

– Есть.

Мы с Кертисом переглядываемся. Значит, кто угодно мог найти и адрес электронной почты Brenta.

Хизер быстро выходит из зала, опустив голову. Мне следует пойти за ней?

Нет. Она выглядит расстроенной, и сейчас я не в состоянии ее утешать, если она идет плакать в туалет. Я никогда не знала, что нужно говорить в таких случаях, никогда не могла подобрать правильные слова. Когда я сама расстроена, мне нужно побыть одной и чтобы меня никто не трогал. Про Саскию я могу сказать одну хорошую вещь: она никогда не стала бы утешать меня, если бы я отправилась куда-то рыдать.

Я один раз видела, как плакала Одетта, но если бы я услышала то, что услышала она, я бы тоже рыдала.

И не смогла бы остановиться.

Она никогда больше не сможет ходить.

Я допиваю виски. Я не буду об этом думать. Я найду Хизер после того, как она немного успокоится.

Дейл стоит у окна с бутылкой в руке. Он бросает взгляд на Brenta, потом поворачивается к нам спиной. Что ему сказала Хизер?

– Как вы сюда добирались? – спрашивает Кертис.

– Я прилетел сегодня утром, – говорит Brent.

– В Гренобль?

– Лион.

– Это объясняет, почему я тебя не видел, – говорит Кертис. – Я прилетел в Гренобль.

Я видела бирки авиакомпаний на их сумках со сноубордами.

– Я приехала на машине, – сообщаю я.

Кертис вопросительно приподнимает брови.

– Весь путь на машине?

– Хотелось вспомнить прошлое. А так у меня было время подумать.

«Подумать о тебе, кроме всего прочего».

Хизер врывается в зал.

– Народ! – Она, кажется, сильно запыхалась. – Наши телефоны исчезли.

Глава 6

Десять лет назад

Саския обнимает меня так, словно я теперь ее новая лучшая подруга. От нее пахнет какими-то экзотическими духами, от которых начинает кружиться голова, хотя она не стала краситься, если не считать фиолетовую подводку для глаз, благодаря которой ее глаза кажутся еще более голубыми.

Мы сидим в кабинке в баре «Сияние», нас шесть человек, все девушки. Я не знала, что сегодня надеть. Саския, похоже, относится к тем, кто любит наряжаться, но, черт побери, на улице-то минус десять. Поэтому я натянула обтягивающие джинсы и два свитера, предполагая, что буду выглядеть как колхозница, но все девушки, сидящие за столом, тоже были одеты в джинсы и свитера, и мы все еще не сняли куртки, в которых катаемся на сноубордах. Похоже, эти девушки – француженки. Мне они нравятся.

В баре полно народу. Вообще-то я не люблю эти мероприятия «после катания». Я приехала сюда тренироваться, а не ходить на вечеринки. Мне всегда казалось странным, что такое количество людей, приезжающих на горнолыжные курорты, проводят больше времени в барах, а не на склонах. Но «Сияние» – это единственный бар в деревне.

На сцене группа играет дерьмовый панк-рок.

– Ты сюда приехала на весь сезон или только на соревнования, Милла? – спрашивает Саския, стараясь перекричать музыку.

– На весь сезон, – отвечаю я. – А ты?

– Тоже.

У меня что-то сжимается в животе. Всю зиму мне предстоит тренироваться бок о бок с моей главной соперницей. Я смогу наблюдать за ее прогрессом, но ведь и она сможет наблюдать за моим. Я смотрю на ее узкие плечи и бедра. Она сантиметров на пять ниже меня, но рост не является преимуществом в хафпайпе – наоборот, низкий центр тяжести помогает удерживать равновесие. Тем не менее если говорить о силе, то тут преимущество у меня. Мне хотелось бы посмотреть, как Саския тренируется в спортзале. Вероятно, у нее поразительно сильная нижняя часть тела, раз она ездит так, как я видела.

– У тебя есть спонсоры? – спрашивает она.

– Да.

Она ждет объяснений.

– Magic, выпускающая сноуборды, Bonfire – бренд одежды и Electric, которая изготавливает очки.

И еще есть один бренд, выпускающий мюсли в батончиках, но я не стану его упоминать, чтобы она не смеялась. Я приехала сюда на своем маленьком «Фиате Уно», набитом этими батончиками по самую крышу, и меня от них уже тошнит. Но по крайней мере, я не умру от голода. Мои спонсоры только обеспечивают меня своей продукцией – присылают мне одежду, очки, те же батончики, а свои тренировки я оплачиваю сама. Это я ей тоже не собираюсь говорить.

– Два года у меня был другой спонсор – бренд одежды, но они от меня отказались после того, как я получила травму колена.

– Со мной такое тоже было, – говорит одна из девушек.

До моего появления они все говорили на французском, но когда я к ним присоединилась, перешли на английский.

– Нам следует застраховать наши ноги, – говорит еще одна девушка. – Как их страхуют футболисты.

– Знаете, что Мэрайя Кэрри застраховала свои ноги на один миллиард? – спрашивает Саския.

– Дженнифер Лопес застраховала свои ягодицы, – добавляет еще кто-то.

– Где они могут упасть? – спрашиваю я. – Жаль, что я не могу застраховать *свою* задницу. Мы начинаем обсуждать, какие части тела мы хотели бы застраховать.

Барменша приходит с еще одним подносом, на котором стоят рюмки. Она вручает одну рюмку Саскии, и та передает ее мне. Я не собиралась пить сегодня вечером, но отказаться трудно. Все эти девушки собираются участвовать в Le Rocher Open – открытом турнире в Ле-Роше, и все они пьют. Платит Саския. Я жду, пока каждая девушка не возьмет рюмку, и тогда опрокидываю рюмку в себя. Мы все веселимся, подбадриваем друг друга, и наши громкие голоса привлекают к себе удивленные взгляды девушек в соседней кабинке. Они немки, а может, швейцарки, и наверное, завтра участвуют в соревнованиях, потому что ни одна из них не пьет, и все вопросительно приподнимают брови, глядя на нас.

К нашему столу подходят два парня, у одного смуглая кожа, у второго светлые дреды. Где-то я видела их обоих.

– Кто это? – спрашивает смуглый, глядя на меня. У него лондонский акцент.

– Отвали, – говорит ему Саския.

Оба парня перемещаются к барной стойке. Погодите-ка! Это же были Brent Backs и Дейл Хан. А Саския только что грубо их послала!

Сразу после них появляется Кертис. Он улыбается мне, кивает своей сестре, хмурится при виде рюмок и направляется к столу, за которым сидят парни, чтобы пожать им руки. Лица этих парней я тоже узнаю – видела их на DVD с записями, посвященными сноубордингу. Кертиса и Саскию можно считать королевской семьей в сноубординге. Их родители – Пэм Бернадж и Энт Спаркс – были пионерами этого спорта, и кажется, что брат с сестрой знают здесь всех.

Рядом со мной сидит Одетта Голин, бронзовая медалистка Всемирных экстремальных игр. Это она сегодня каталась в куртке мятного цвета, она и сейчас в ней. Ее короткие каштановые кудри торчат из-под шапочки от Rossignol. Я стараюсь не показывать своего восхищения звездой, но она на самом деле очень милая. Я узнаю, что она тоже приехала сюда на весь сезон. Остальные девушки – только на соревнования.

Я склоняюсь к Одетте.

– Парни тебя боятся? – спрашиваю я. – Я хотела сказать, что ты так мастерски катаешься, что они просто должны бояться.

Одетта только отмахивается.

– Тьфу на них, – говорит она.

Мне хочется, чтобы музыкальная группа заткнулась. Я уже осипла.

– В прошлом году я встречалась со сноубордистом из Швейцарии, – говорю я. – И он меня бросил, потому что я победила его в армрестлинге.

Девушки хохочут.

– В присутствии его друзей, – добавляю я.

Одетта ударяет открытой ладонью о мою открытую ладонь. Это все водка. Обычно я не рассказываю о себе, в особенности людям, с которыми только что познакомилась, но мне становится хорошо после того, как я выплескиваю это из себя. Я не понимала, что до сих пор испытывала сильное чувство обиды. Стефан профессионально занимался сноуборд-кроссом¹² и никогда не сбавлял скорость, если мы катались вместе. Мне нравилось кататься с ним, потому что мне требовалось по-настоящему напрягаться, использовать все свои ресурсы, чтобы не выпустить его из вида, когда он несся по трассе.

¹² Сноуборд-кросс – сноубордист спускается по длинной, пологой и широкой трассе, на которой расположены различные препятствия. Олимпийская дисциплина с 2006 года. – Прим. пер.

– Нужно послать его в спортзал, – говорит девушка, которая сидит за столом напротив меня.

– Нанять ему тренера! – подсказывает еще одна.

– Накормить стероидами!

Предложения становятся все более и более причудливыми и оригинальными.

Это новое ощущение – оказаться в компании девушек и в нее вписаться. Мои встречи со знакомыми женского пола дома приносят только боль. Они хотят говорить только о моде и знаменитостях. Мне гораздо комфортнее с друзьями брата, регбистами с их грубыми шутками.

Приносят еще водку. Сколько рюмок мы уже выпили? Я потеряла счет. Пью я редко. Я слишком занята – работаю или тренируюсь, или то и другое вместе. Я никогда не пила перед соревнованиями, но другие девушки продолжают пить, двое еще и водку пивом запивают, так что я опрокидываю в себя очередную рюмку и с грохотом опускаю на стол.

Немки говорят о нас, и, как я думаю, именно этого и добивалась Саския. Это показуха: мы настолько крутые, что можем напиться сегодня и выиграть у вас завтра. Да, так вполне может быть, если ты – Одетта Голин, но не так уж вероятно, если говорить обо мне. Тем не менее я не хочу подводить нашу компанию.

К нам подходит Кертис и что-то говорит на ухо Саскии. Я не слышу из-за грохочущей музыки, но, как я думаю, он говорит ей, чтобы не пила больше. Она только отмахивается, и он возвращается к своему столу, нахмурившись.

– Боже, иногда он меня так раздражает, – признается она.

– Мой брат тоже меня дико раздражает, – говорю я. – На сколько он старше тебя?

– На два года.

– И мой брат старше меня на два года.

– У меня два старших брата, – сообщает нам Одетта.

– Бедненькая! – говорит Саския, и мы все хохочем.

– Они занимаются сноубордингом? – интересуюсь я.

– Нет, лыжными гонками, – говорит Одетта. – Я тоже начинала с лыж. Перешла на сноуборд, когда мне было четырнадцать.

– Они здесь, в Ле-Роше? – спрашиваю я.

– Нет, эту зиму они в Тине¹³. Ты там была?

И мы начинаем обсуждать, где кто катался.

Когда Саския в следующий раз идет к барной стойке, я вижу, как они яростно спорят с Кертисом. Джейк не посмел бы мне говорить, что делать. Он это понял много лет назад.

Саския снова возвращается с рюмками. Когда мы их осушаем, музыкальная группа начинает сингл рок-группы The Killers под названием Somebody Told Me.

Саския вскакивает с диванчика.

– Я обожаю эту песню!

Мы идем за ней на танцпол, и внезапно встают все, кто есть в баре, и начинают танцевать. Мы толкаемся на маленькой площадке. Меня покачивает. Я никогда так не напивалась. Мне придется выпить ведро воды перед тем, как лечь спать.

У меня кружится голова, и я иду в дамскую комнату. По пути назад к нашему столику я чуть не падаю, и кто-то хватается за предплечье, помогая устоять на ногах. Кертис.

Я выругалась – про себя. У меня уже заплетаются ноги, и говорю я таким же заплетающимся языком:

– Спасибо.

У него горят глаза.

– Как я уже говорил тебе раньше, можешь падать на меня в любое время.

¹³ Тинь – французский горнолыжный курорт. – Прим. пер.

Я прилагаю усилия, чтобы не покраснеть, и киваю на бутылку воды Evian у него в руке.

– Вероятно, ты здесь единственный, кто не употребляет крепкие напитки.

– Я не пью, когда тренируюсь. Алкоголь мешает мне восстанавливаться.

Я бросаю взгляд на наш столик. Туда снова принесли рюмки. Черт побери!

Кертис замечает, куда я смотрю.

– По-моему, ты сегодня уже выпила достаточно.

– Что, прости? – переспрашиваю я. – Если мне потребуется твой совет, то я его спрошу.

Что он о себе возомнил? Одно дело – говорить своей младшей сестре, чтобы не пила, но со мной-то он практически не знаком. Пошатываясь, я иду к барной стойке. Я не могу позволить Саскии весь вечер платить за спиртное. Ей это по средствам, но я не хочу этим пользоваться. По крайней мере, один раз заплачу я.

Только я не знаю, какую именно водку мы пили, а мне кажется, что у Саскии дорогой вкус.

– Повторить? – спрашивает девушка за барной стойкой до того, как я успеваю открыть рот.

– Да, – киваю я с облегчением.

Чуть дальше за барной стойкой сидят Дейл и Brent. Барменша болтает с ними, готовя мой заказ. На ней маленькое черное платье и сапоги на тонких каблуках, и парни разглядывают ее ноги. Она маленького роста и на самом деле хорошенькая – длинные черные волосы, сильно накрашенные глаза. Я слышу, как она говорит. Акцент сильный, гораздо сильнее моего. Судя по нему, она из Ньюкасла. Я проникаюсь к ней симпатией – она с севера, как и я.

Дейл говорит что-то, что заставляет ее закатить глаза. Она отвечает, и он демонстративно опускает голову, притворяясь, будто ему стыдно. Brent хохочет и шлепает Дейла по спине.

Барменша приносит мой заказ. Мне ее жалко – каждый вечер приходится разговаривать с посетителями, которые пристают и заигрывают с ней, в особенности с типами с такой впечатляющей внешностью, как у Дейла, с его дредами и пирсингом. Наверное, ее уже от них тошнит.

Она ставит для меня рюмки на поднос, и я вижу загадочную улыбку, которая ненадолго появляется у нее на губах, и понимаю свою ошибку. Это *она* играет с ними. И она точно знает, как нужно себя с ними вести.

– Вот ваш заказ, – говорит она мне. – Десять евро.

Я в сомнениях. Выпивка на горнолыжных курортах стоит очень дорого, и я ожидала, что заказ как минимум потянет на пятьдесят евро. Барменша ошиблась, потому что ее отвлекли Дейл с Brentом, и если я ничего не скажу, разницу вычтут у нее из зарплаты.

– Наверное, вы ошиблись.

– Нет, все правильно, – на ее красивом лице появляется раздражение.

Хорошо. Я, по крайней мере, попыталась. Я даю ей десять евро.

Она пробивает чек, уголком глаза смотрит на парней и поправляет волосы. Всем своим поведением она говорит им: «Я не заинтересована». Я смотрю, словно очарованная, как Дейл склоняется в ее сторону, чуть ли не всем корпусом ложась на стойку. Рукава у него закатаны и видны руки в татуировках. Он зовет ее. Она снова улыбается сама себе и притворяется, будто не слышит.

Я никогда так не играла с парнями. Не знаю как.

Она показывает пальцем на мои рюмки, ноготь на пальце накрашен блестящим красным лаком. Она что-то говорит, но я не слышу.

– Простите?

– Водка вот здесь.

Что?

Ужасающая мысль появляется в моем затуманенном алкоголем сознании. Но Саския не стала бы этого делать.

Или как раз стала?

Глава 7

Наши дни

Мы выбегаем в холодный темный коридор. Корзина, в которой мы оставили свои телефоны, пуста.

– Кто их взял? – Голос Кертиса звучит угрожающе.

– У меня был совершенно новый телефон, – говорит Хизер, которая готова вот-вот рыдаться. – В нем все мои рабочие контакты.

– Успокойся, – поворачивается к ней Дейл. – Мы его найдем.

Кажется, что все в замешательстве.

Я стою в коридоре, смотрю в одну сторону, потом в другую. Один из этих четверых забрал телефоны или в здании есть кто-то еще? Жаль, что я не могу трезво мыслить. Происходящее не имеет смысла. Я не понимаю, что происходит. Я уже чувствую опьянение, спасибо выпитому виски. Алкоголь на этой высоте действует гораздо сильнее, да еще и на голодный желудок

– Мы можем определить, кто не брал телефоны, – заявляю я. – Кто не выходил из зала? Я выходила в туалет до того, как началась игра.

– А ты видела телефоны в корзинке? – спрашивает Кертис.

Я напряженно думаю.

– Не помню, – признаюсь я.

– Я ходил за выпивкой, – говорит Дейл. – И я тоже не обратил внимания. – Дейл поворачивается к Кертису. – А ты зачем выходил?

– Надо было позвонить, – отвечает Кертис. – Потом в туалет.

– Кому ты звонил? – спрашиваю я.

Кертис вопросительно приподнимает брови, словно говоря, что это не мое дело.

– Ну? – не отстает Дейл.

– Почему это имеет значение? – спрашивает Кертис.

– Может иметь, – заявляет Дейл.

Кертис бросает гневный взгляд в мою сторону.

– Маме.

– Я выходил два раза, – сообщает Brent.

– А Хизер выходила только что, – говорю я. – Проклятье! Любой из нас мог их взять.

– И что потом? – спрашивает Кертис.

– Наверное, где-то их спрятал, – говорю я.

Все смотрят на сумку Хизер. Она – единственная из нас, кто принес сюда сумку.

Мне тридцать три года, и у меня нет ни одной дамской сумочки. Один раз я все-таки купила сумочку – чтобы сходить на свадьбу моей подруги Кейт. «Не смей заявиться ко мне на свадьбу со своим рюкзаком, Милла», – написала она от руки на приглашении. Сумочка была зеленовато-голубого цвета – под цвет моего платья подружки невесты, и я чувствовала себя с ней до смешного нелепо, как маленькая девочка, разодевшаяся, как взрослая. Сразу же после свадьбы я отдала ее в местную благотворительную организацию.

Сумочка Хизер коричневого цвета, на молнии – яркая золотая бирочка. Подозреваю, что сумка дизайнерская. Когда до Хизер доходит, на что мы все смотрим, она краснеет и вываливает содержимое на ковер. Там лежит небольшой кошелек серебристого цвета, влажные салфетки, тампоны и огромное количество косметики. Никаких телефонов. Она с вызовом поднимает на нас глаза.

– Теперь довольны?

Она сгребает все вещи и бросает назад в сумку.

– Их мог взять кто-то еще, – говорит Кертис.

– Но кто? – у Хизер округляются глаза.

– Может, ты мне скажешь? – смотрит на нее Кертис.

Дейл обнимает Хизер за плечи, и она прижимается к нему. Вот и примирение, но надолго ли?

– Нам нужно все здесь обыскать, – продолжает Кертис. – Попробовать найти телефоны. Или того, кто их взял.

– Давайте, – соглашается Брент, допивает оставшийся виски и направляется к двери. Я иду за ним.

– Подождите! – кричит Хизер. – Мы же не знаем, кто здесь.

– Разумная мысль, – кивает Кертис. – Я не думаю, что девушкам стоит ходить по одной. Дейл хватает Хизер за руку.

– Я останусь с Хизер.

– Я останусь с Миллой, – говорит Кертис.

– С Миллой останусь я, – заявляет Брент.

Наверное, мне следует быть благодарной за их заботу. Но я в ярости. Мне совсем не нравится, когда кто-то считает, что меня нужно защищать. Я не жалкое, слабое существо просто потому, что я женщина. Я такая же сильная сейчас, как была тогда, хотя теперь руки у меня более сильные, чем ноги. Если кто-то попытается на меня напасть, я смогу дать достойный отпор.

Я открываю рот, чтобы все это сказать. Но вижу, как сильно напряжен Кертис, да и Брент тоже. Кертис плотно сжимает челюсти. А этих двоих не так-то просто напугать. Я думаю о темных пустых коридорах в этом здании. Лучше все-таки подумать о мерах безопасности.

– А как насчет того, чтобы вы оба пошли со мной?

Кертис кивает.

– Встречаемся здесь через... двадцать минут?

Дейл смотрит на часы.

– Договорились, – говорит он.

– Идите туда. – Кертис показывает налево. – Мы пойдем в противоположную сторону. Пройдитесь по нижнему этажу, а мы по верхнему.

– Ты теперь большой начальник, да? – смотрит на него Дейл.

Кертис не устаивает его ответом. На самом деле он всегда вел себя как начальник, хотя я обычно его не слушаю.

Дейл тянет Хизер за руку, и они направляются по коридору налево.

– Проверьте шкафчики для лыж, – кричит Кертис им вслед. – И заодно, нет ли тут стационарного телефона.

Мы втроем отправляемся в другую сторону. Естественно, Кертис идет первым. Тут и по приезде было жутко, а теперь уж точно мурашки бегут по коже. Это здание выглядит совсем по-другому в лыжный сезон, когда со всех сторон слышны удары лыжных палок и болтовня посетителей. Сегодня вечером здесь слишком пусто. Слишком тихо.

Но зачем кому-то понадобились наши телефоны? Не знаю, что меня пугает больше – мысль о том, что их забрал совершенно незнакомый человек, или один из тех, кого, как я думала, хорошо знаю. По крайней мере, знала раньше.

Первые двери справа – это туалеты.

– Мне проверить женский? – спрашиваю я.

– Мы сделаем это все вместе, – отвечает Кертис и толкает дверь.

Там четыре кабинки в ряд, все двери закрыты. Я заглядываю под каждую дверь. Если я увижу там ноги...

Ба-бах! У меня на мгновение сердце замирает в груди. Но это Кертис бьет ногой по двери. Он решил действовать проще. Он идет вдоль ряда кабинок и открывает каждую ногой. Здесь никого нет. Конечно, нет. Brent роется в корзине для использованных бумажных полотенец.

Мы проверяем мужской туалет точно таким же образом. Внезапно я чувствую, как потянуло сквозняком – ледяной поток воздуха бьет мне в шею. Я вижу, что маленькое окошко приоткрыто на какие-то два сантиметра. Я поднимаюсь на цыпочки, чтобы выглянуть из него. У себя в воображении я рисую картину: чья-то рука выбрасывает наши телефоны в ночь, по одному просовывая в эту щель. Если все было так, то наши телефоны потеряны навсегда, потому что эта сторона здания выходит на скалы. Но зачем кому-то это делать?

– Это окошко и раньше было приоткрыто? – спрашиваю я.

Кертис нецензурно выражается и захлопывает его.

– Я не обратил внимания.

– И я тоже, – признается Brent.

Следующая дверь – кладовка уборщицы, оттуда воняет отбеливателем. Мы ищем телефоны среди рулонов бумажных полотенец и жидкого мыла в пакетах для диспенсера. Там целая гора туалетной бумаги. Я заглядываю в каждый рулон.

Я скорее умру, чем признаюсь, что рада заниматься поисками в сопровождении этих двух мужчин. В особенности Brentа, потому что я испытываю дрожь и волнение совсем другого рода, когда нахожусь рядом с Кертисом.

Коридор поворачивает. Двери по обеим сторонам, все заперты. Я напрягаюсь, когда мы проходим мимо каждой, готовлюсь, что из них может кто-то выпрыгнуть.

– Как вы думаете, что здесь? – спрашивает Brent, проверяя последнюю дверь.

– Наверное, кабинеты. Или кладовки, – высказывает свое мнение Кертис.

Коридор заканчивается тупиком.

– Здесь почти ничего нет, – говорю я, когда мы возвращаемся тем же путем. – А если выйти на улицу?

– Сейчас слишком темно, чтобы искать, – отвечает Кертис.

– А ты помнишь, что там? – спрашиваю я. – Я помню два гаража для ратраков.

Огромные гаражи для гигантских машин на гусеничном ходу, которые приводят в порядок горнолыжные склоны и другие трассы.

– Мне кажется, что их три, – говорит Кертис.

– Там еще есть небольшой домик в самом низу подъемника, – добавляет Brent. – И будка.

– И еще площадка с шезлонгами на открытом воздухе, – вспоминает Кертис. – Должен быть сарай или какое-то складское помещение, куда они убирают шезлонги.

Мы возвращаемся в банкетный зал. Хизер с Дейлом еще не вернулись. На нижнем этаже гораздо больше помещений.

Кертис захлопывает за нами дверь и говорит тихим голосом:

– Как вы считаете, за всем этим стоят Дейл и Хизер?

– С какой стати? – удивленно смотрю я на него.

– Понятия не имею.

– Не думаю, – заявляю я. – Хизер кажется мне сильно напуганной.

– Или, может, она просто хорошая актриса? – Кертис смотрит на Brentа.

Brent пожимает плечами.

– Меня не спрашивай.

Похоже, Кетрису страшно хочется кому-нибудь врезать, и он грозно косится на дверь.

– Кто-то с нами играет, и мне это не нравится.

Brent наливает себе еще одну большую порцию Jack Daniels. Мне интересно наблюдать за тем, как эти двое справляются с напряженной ситуацией. Brent просто напивается, Кертис злится и заводится все больше.

– Хочешь, Милла? – Brent предлагает мне виски.

Не так я себе представляла эту ностальгическую встречу. Я вздыхаю.

– Наливай, – говорю я.

Кертис касается моей руки.

– Милла, – говорит он предупредительно.

Ощущение дежавю застает меня врасплох. Однажды вечером десять лет назад Кертис уже предупреждал меня, что пора прекратить пить. Мне следовало его послушаться, но я этого не сделала.

И сейчас не стану.

Я протягиваю свой стакан. Brentу, похоже, гораздо больше не по себе, чем он показывает, потому что у него дрожит рука, и он проливает виски мне на пальцы. Я слизываю спиртное с руки и опрокидываю стакан.

Я думаю, что Кертис заметил эту дрожь, потому что смотрит на Brentа оценивающе. Вероятно, пытается определить, на что тот способен.

Он смотрит не на того человека.

Глава 8

Десять лет назад

Я иду, пошатываясь, по плато, в голове пульсирует кровь, в животе творится что-то невозможное. Надеюсь, что смогу добраться до хафпайпа и меня по пути больше ни разу не стошнит.

Установлены огромные баннеры: Le Rocher Open – открытый турнир в Ле-Роше. Участники соревнований, уже с номерами, вылетают из хафпайпа. Они разминаются. Другие выполняют упражнения на растяжку, проверяют шнурки и крепления. Лица напряженные, райдеры сосредоточенно думают о заездах, которые им предстоят, и о трюках, которые они надеются выполнить. И то же самое делала бы я, если бы не старалась сдерживать рвоту.

Я пыталась поесть сразу же после того, как добралась домой из бара «Сияние» вчера вечером, но в животе ничего не задерживалось. Я злюсь и больше всего на себя. Как я могла попасться на эту удочку? Мне двадцать три года, я не подросток. Это в подростковом возрасте ты можешь поддаваться давлению сверстников, но я-то должна была думать своей головой.

Из громкоговорителя грохочет хип-хоп, солнечные лучи, как кажется, пронзают мне мозг. Я прикрываю глаза рукой, мечтая о том, чтобы свернуться калачиком в темной, погруженной в тишину комнате, выспаться и избавиться от похмелья.

Парень рядом со мной вонзается зубами в спелый банан, у меня при виде этого крутит живот. Я чувствую запах банана. Я вижу операторов разных телеканалов с камерами по обе стороны от себя – Eurosport, France 3, еще парочка каких-то. Я сжимаю губы. Только бы меня не стошнило!

Я стою в очереди на регистрацию участников, слышен гул голосов, говорящих на разных языках. Когда я получаю номер, несколько девушек из тех, кто вчера был в баре, проходят мимо меня со сноубордами под мышкой. Я опускаю голову, я не хочу видеть, как они надо мной смеются.

Кто-то хлопает меня по плечу. Это Одетта, которая целует меня в обе щеки.

– Как ты?

– А ты как думаешь? – Я вопросительно приподнимаю бровь.

– В чем дело? – Она больше не улыбается, на лице непонимание.

– В водке.

– Водке?

– Которую я пила вчера весь вечер.

Лицо Одетты розовеет после моих слов. Она осматривается в поисках Саскии, не веря произошедшему. И вот Саския появляется на самой вершине в белой куртке от Salomon, готовится катиться вниз. Одетта снова поворачивается ко мне, и слова начинают литься из нее потоком. Очевидно, Саския заранее обо всем договорилась – до того, как я пришла в бар. Остальным она предложила пить воду из водочных рюмок, чтобы обескуражить конкурентов.

– Мне очень жаль, – говорит Одетта. – Я не знала.

Судя по ее выражению лица, она на самом деле не знала. Она выглядит подавленной, и я ей верю.

– А другие девушки? Они знали?

– Не думаю.

Я не могу решить, мне от этого лучше или хуже.

Саския проходит мимо, направляясь к подъемнику. Одетта глядит ей вслед, явно борясь с собой. Она не может принять, что ее подруга способна на подобное.

Я уже пропустила половину разминки. Время уходит. Я подхватываю свой сноуборд.

– Давай начинать, – говорю я Одетте. – Как тебе хафпайп?

Мы с Одеттой вместе едем на подъемнике.

Кертис пристегивает сноуборд на вершине. Стоит ему один раз взглянуть на меня, как он чертыхается.

– Я пытался тебя предупредить.

– Что? Ты знал? – кричу я.

– Я подозревал.

Саския стоит с небольшой группой спортсменов, смеется и шутит. Там Брент. И Дейл, кольцо в губе которого блестит на солнце. Во мне закипает ярость. Я целенаправленно иду к этой группе и хлопаю Саскию по плечу.

Она поворачивается ко мне лицом. Выражение ее лица напоминает мне морду кота, который живет у моих родителей. Он так смотрит, когда в нем просыпается охотничий инстинкт.

– Почему именно я? – спрашиваю я, чувствуя за спиной присутствие Кертиса и Одетты.

Все вокруг замолкают.

Я ожидаю, что Саския будет все отрицать, но она смотрит прямо на меня, в ее глазах нет раскаяния или угрызений совести.

– Потому что я могла это сделать.

– Боялась, что я у тебя выиграю?

Она не отвечает. Да это и не требуется. Сегодня я не смогу у нее выиграть, она это гарантировала.

Я в такой ярости, что мне хочется ей врезать. Я всегда играла жестко – мне приходилось, хотя бы потому, что мой брат всегда играл так, с ним в этом вообще никто не сравнится. Но он всегда играет в открытую, ничего не делает исподтишка. А это совсем другой вид игры. Может, женский? Тайный, подлый. И я не знаю, как с этим справляться.

Я прилагаю усилия, чтобы ярость не отражалась на моем лице.

– Надеюсь, ты понимаешь, что игра началась.

Саския улыбается.

– Игра началась, – повторяет она.

Кертис жестом предлагает ей отойти в сторону, и они сидят, голова к голове. Судя по тому, как он показывает в мою сторону, он говорит ей нелицеприятные вещи. Саския еще раз бросает взгляд в мою сторону, потом поворачивается спиной. Теперь Кертис показывает на хафпайп. Дает напутствия. Мне нужна любая помощь сегодня, любая, которую я только могу получить, поэтому я напрягаю слух, чтобы услышать, что он говорит.

– Эта стена полностью на солнце, так что снег быстро станет мягким. Будь осторожна, не задень за край, когда будешь приземляться после вращений.

Саския кивает и застегивает крепления на сноуборде. Кертис остается сидеть и наблюдает за ее заездом. К нему подходит парень с бородой. Судя по номеру, он участвует в соревнованиях. Они приветствуют друг друга, ударяя кулаком о кулак. Американец.

Я пристегиваю сноуборд и делаю глубокие вдохи, пытаюсь подготовить живот к движению вверх и вниз.

Дует ветер, вместе с ним до меня долетают слова Кертиса:

– Уверен, что снег весь день будет жестким.

Странно. Он только что сказал Саскии совсем другое, или я неправильно услышала?

Через полчаса я вся на нервах, жду, когда меня вызовут.

– Милла Андерсон!

Обычно в этот момент я становлюсь абсолютно спокойной, все происходит словно при замедленной съемке. Мне помогают многие часы тренировок и визуализации трюков, это позволяет совершить заезд на автопилоте. Но только не сегодня. Сегодня я на быстрой перемотке. У меня кружится голова, даже когда я стою на месте, поэтому неудивительно, что я смазываю

уже первое вращение и падаю на основание хафпайпа. Второй заезд получается не лучше. Я вылетаю из соревнований.

Я заставляю себя сесть на снежную насыпь и смотреть соревнования до конца. Я переживу это и больше никогда в жизни не повторю эту ошибку.

Кертис также уверен в себе на горе, как и в жизни, и все делает так же гладко. Движения сильные, трюки он выполняет чисто и попадает в финал. Саския тоже попадает в финал, выполняет вращения на семьсот двадцать градусов, одно за другим, и занимает седьмое место среди женщин. Это впечатляющий результат, учитывая, что это международные соревнования, и сноубордисты приехали со всей Европы. Побеждает Одетта.

Райдеры собираются у подножия, обнимаются и ударяют открытыми ладонями об открытые ладони других участников. Открывают шампанское и поливают им всю толпу.

– Идем праздновать в «Сияние»! – кричит кто-то.

Кажется, я – единственный человек, который не празднует. Я сжимаю кулаки, когда еще один человек поздравляет Саскию. Я поднимаю свой сноуборд и ухожу с горы.

Через четыре месяца мы с Саскией снова встретимся, уже на чемпионате Великобритании по сноубордингу. И я у нее выиграю, даже если мне придется расшибиться в лепешку ради этого.

Глава 9

Наши дни

Дверь в банкетный зал распаивается, я подпрыгиваю на месте. Первым заходит Дейл, Хизер следует за ним по пятам.

Дейл в ярости.

– Кто-то свистнул наш ноутбук, – сообщает он.

Кертис бросается к двери.

– В чем дело? – кричу я.

– У меня с собой MacBook!

Мы несемся за ним вниз по лестнице, потом по коридору. Ледяной воздух врывается в помещение, когда он толкает дверь, открывающуюся в обе стороны. Ветер развеивает мои волосы. Кертис спускается по металлическим ступенькам, перешагивая через одну. Я испытываю облегчение при виде своих сумок. Они стоят там, где я их оставила.

Кертис роется в своем рюкзаке.

– Черт побери! Моего ноутбука тоже нет.

Я замечаю, что молния на моем рюкзаке наполовину расстегнута, и в панике начинаю проверять свои вещи. Кошелек и ключи на месте. Я не брала с собой компьютер. Я почти все делаю с телефона.

Другие тоже проверяют свои сумки. Хизер копается в целой куче одежды.

– Что-то еще пропало? – спрашивает Кертис.

– Я не вижу, чтобы у меня что-то пропало, – говорит Brent.

Я так взволнована, что не помню, какие именно вещи взяла с собой.

– Я не уверена, – заявляю я.

– Это больше не смешно, – произносит Хизер. – Я хочу спуститься вниз.

«Думай, Милла!»

Мой взгляд падает на камеру видеонаблюдения, которая направлена на верх подъемника. Я встаю перед ней и начинаю махать руками.

– Эй, КТО-НИБУДЬ! Вы меня видите?

Кертис вышагивает взад и вперед по платформе.

– Как я мог это допустить? – бормочет он себе под нос. – Я должен был сюда спуститься полчаса назад.

Я продолжаю махать руками, надеясь, что оператор подъемника нас увидит, даже если и не услышит, и снова запустит механизм.

– Я несколько недель не делала резервных копий с нашего ноутбука, – говорит Хизер Дейлу. – Мы должны его найти.

– Не нужно мне напоминать, – бурчит Дейл.

К нему поворачивается Кертис.

– А что вы делали здесь внизу все это время? – спрашивает Кертис.

– Эй, не надо все это валить на нас, – протестует Дейл. – Ты сам еще раньше два раза выходил из зала, и все это видели.

У Хизера и Дейла определенно было время, чтобы покопаться в наших вещах и спрятать компьютеры, пока они ходили внизу, но потенциально любой из нас мог сбегать сюда и куда-то их унести.

Или это сделал кто-то другой?

В любом случае это было тщательно спланировано. Кто бы это ни был, он отправил нас в банкетный зал, правильно предположив, что мы не потащим с собой сумки. Ведь нужно идти через все здание.

– Мы обыскали весь первый этаж, – сообщает нам Хизер. – Потом я вспомнила про ноутбук.

– Что-нибудь нашли? – спрашивает Кертис.

– Множество запертых дверей, – отвечает Дейл.

– Никого из обслуживающего персонала? – спрашиваю я. – А стационарный телефон?

– Мы нашли две телефонные розетки – в баре и в кухне. Но аппаратов там нет, – сообщает Хизер.

Аппаратов нет, потому что их кто-то убрал? Я вижу по ее выражению лица, что она именно так и думает.

– Что находится за всеми этими запертыми дверями? – хочет знать Хизер.

– Вы нашли диспетчерскую? Или помещение, где располагается горноспасательная служба? – спрашивает Кертис. – Медпункт?

– Нет.

– Ну, тогда посмотрим здесь.

Кертис отправляется к двери будки, в которой обычно сидит оператор подъемника, и берется за ручку. Конечно, дверь заперта. Он пытается сквозь окно рассмотреть, что там внутри.

Я присоединяюсь к нему.

– Видишь телефон или рацию? – спрашиваю я.

– Нет. – В его голосе слышится разочарование и недовольство.

К нам подходит Brent и тоже пытается заглянуть в будку. Грохот за нашими спинами заставляет нас резко обернуться. Камера видеонаблюдения лежит на бетоне, разбитая на куски. Под тем, что осталось от ее крепления, стоит Дейл, подняв над головой сноуборд. Я моргаю и ошарашенно смотрю на обломки.

– Какого черта ты это сделал? – спрашивает Кертис.

Дейл опускает сноуборд.

– Мы же не хотим, чтобы за нами следили, правда?

Я пытаюсь успокоиться.

– Но ведь они могли бы нас спасти, – говорю я.

Кертис поднимает с бетона самый крупный кусок. Нам не нужен специалист, чтобы понять: камеру не починить. Кертис отбрасывает кусок в сторону.

– Ты только что уничтожил нашу единственную потенциальную возможность связи с долиной, – говорит Кертис. – Кто-нибудь еще видел здесь камеры видеонаблюдения?

– Возможно, есть в ресторане, – высказываю предположение я.

Дейл откашливается. Я уже чувствую, что он собирается сказать.

– Я ее разбил.

Мы с Brentом переглядываемся, и я уверена, что мы все думаем одно и то же. За всем этим стоит Дейл? Но почему?

К нему подходит Кертис.

– Это самая большая глупость, которую только можно было сделать.

– О, спустись с небес на землю, – предлагает ему Дейл. – Если кто-то там внизу наблюдает за нами с помощью камер, то они участвуют в деле. Не могут не участвовать.

– Правильно, – соглашается Кертис. – Нам нужно найти ответы. Какая-то дерьмовая игра получается. – Он поворачивается к Хизер. – Ты спала с Brentом?

Я морщусь. Деликатность никогда не была сильной чертой Кертиса.

Дейл делает шаг в его сторону.

– Она не должна отвечать на этот вопрос.

Двое мужчин смотрят друг другу в глаза. Дейл немного выше ростом – наверное, он под метр восемьдесят, высокий для сноубордиста. Кертис шире в плечах и более плотного телосложения.

– Следующий вопрос будет о том, спал ли я с Саскией? – интересуется Дейл.

– А ты спал? – спрашивает Кертис.

– А *ты*? – отвечает вопросом на вопрос Дейл.

Кертис хватается за плечи и толкает спиной вперед по платформе. Дейл упирается. Через несколько метров платформа заканчивается и начинается обрыв. Там тьма кромешная. От края скалы их отделяет только тонкое металлическое ограждение.

Мы с Брентом бросаемся за ними. Острые как ножи сосульки свисают с крыши над нашими головами. Я молюсь, чтобы они не вздумали рухнуть именно в этот момент. Брент делает шаг к Дейлу, я оказываюсь за спиной у Кертиса. К нему опасно приближаться, когда он в таком заведенном состоянии. Теоретически я знаю, что делать – когда у тебя брат-регбист, умение защитить себя становится вопросом выживания. Кроме того, я работала вышибалой на входе в ночной клуб «Лидмил» на протяжении нескольких лет после того, как закончила со сноубордингом.

Я надеюсь, что помню, как надо действовать – и делаю захват шеи правой рукой, моя левая рука давит на шею Кертиса сзади. Это удушающий прием. Как только я чувствую, что он отпускает Дейла, я ослабляю хватку. Кертис поворачивается ко мне. Он в равной мере шокирован и разъярен.

Дейл стряхивает с себя Брента и говорит:

– Ты *сам* поберегись. Сейчас ты едва лиходишь в список моих любимых людей.

У Дейла сверкают глаза, он поправляет куртку и возвращается туда, где стоит Хизер.

– Нам нужно сохранять спокойствие и выяснить, что происходит, – говорю я. Мне трудно дышать.

– Что там со шкафчиками для лыж? – спрашивает Кертис. – Все открыты?

– За исключением одного, – сообщает Дейл.

– Пошли, попробуем его открыть, – предлагает Кертис.

Я вешаю на плечо свой маленький рюкзак и подхватываю сумку со сноубордом. Они не тяжелые. Я не брала с собой много вещей: мы же в конце концов приехали сюда на две ночи. Но я хочу, чтобы мои вещи лежали там, где я могу их видеть. Остальные тоже подхватывают свой багаж, и мы тащим все вверх по лестнице.

Шкафчики пронумерованы, их здесь ровно сотня. Они окрашены в красивые пастельные тона. Из замков торчат ключи с бирками. Я открываю дверцы у пары шкафчиков и проверяю, что там внутри. Кертис делает то же самое, но чуть дальше.

– Мы уже смотрели, – говорит Хизер.

Я вижу шкафчик, из которого не торчит ключ. Брент тянет на себя дверцу.

– У меня есть отвертка, – сообщает Кертис.

– Подожди секундочку, – говорит Брент и достает из кармана связку ключей.

Мы наблюдаем за тем, как он снимает ключи с проволочного кольца, потом распрямляет проволоку. Он вставляет ее в замок, начинает ею вертеть, потом достает, чтобы согнуть ее по-другому.

Дейл отходит к главному входу и, кажется, собирается открыть дверь.

«Нет. Пожалуйста, не надо».

Прямо сейчас я не могу снова слышать этот звук. Так или иначе, мне придется снова ее открыть и выйти на улицу, но сейчас я не могу. Я уже вся на нервах, вздрагиваю от каждого звука, и мне нужно успокоиться.

Дейл поскользывается и хватается за стену, чтобы удержать равновесие.

– Черт побери, пол мокрый.

И на самом деле на полу видны мокрые пятна, которые ведут к выходу.

– Это чьи-то следы? – спрашиваю я.

– Похоже на то, – с мрачным видом кивает Кертис. – Кто-то здесь выходил?

Молчание. Но если кто-то выходил, у этого человека будет мокрая обувь. Стараясь не привлекать внимания, я проверяю обувь у остальных. Мне это только кажется, или носки у Брента темнее остальной части его ботинок от ДС?

– Получилось, – сообщает Brent и вытаскивает проволоку из замка.

Его мастерство впечатляет, но у него всегда были золотые руки.

Мы стоим полукругом за его спиной, когда он открывает дверцу шкафчика, но внутри пусто. Кертис, который стоит ближе всех к шкафчику, резко поворачивается, словно ему в голову только что пришла какая-то мысль, и внимательно оглядывает наши лица. Он думает, что Brent как-то слишком легко открыл эту дверцу?

– Так где наши телефоны? – спрашивает Дейл.

– Расскажи нам, – предлагает ему Кертис.

Я напрягаюсь. Судя по виду, эти двое снова готовы принять боевую стойку.

– А можно поесть? – спрашивает Brent.

– Нам нужно найти чертовы телефоны, – поворачивается к нему Кертис.

– Я знаю. Но я умираю с голода.

– Ты понимаешь, что все это значит? – повышает голос Кертис. – Подъемник не работает.

Мы не можем ни с кем связаться. Если мы не найдем телефоны, то застрянем здесь.

– Я тоже хочу есть, – вставляю я. – Давайте обсудим положение вещей за ужином.

Если я поем, то опьянение хотя бы частично уйдет и я смогу трезво мыслить.

Хизер смотрит на нас так, словно не верит своим ушам.

– Как вы можете думать о еде, когда кто-то творит с нами все это?

– Пользы от голодания в дополнение к стрессу не будет никакой, – говорю я.

Кертис подхватывает свой багаж и идет в направлении ресторана. Мы все спешим вслед за ним. Когда мы заходим, он уже стоит у барной стойки и рассматривает обломки камеры видеонаблюдения, валяющиеся на полу. Мы все сваливаем наш багаж в кучу.

Хизер кивает на свою сумку и обращается к Дейлу:

– Не спускай с нее глаз.

После этого она быстро идет на кухню. А я еще раз украдкой рассматриваю ботинки Брента.

– У тебя мокрые ботинки? – тихо спрашиваю я его.

Он смотрит вниз.

– Наверное, это виски.

– Да, наверное.

– Давай посмотрим, не удастся ли разжечь камин, – говорит Brent и направляется к нему.

Я считаю, что могу разжечь костер или камин не хуже любого из них, но я хочу спросить Хизер про Брента, поэтому направляюсь за ней.

От запаха специй и томатов у меня урчит в животе. Хизер заглядывает в сковородки и включает электроплиту.

– Что мне делать? – спрашиваю я у нее.

Повар из меня никакой. Я стараюсь есть здоровую пищу, и по большей части питаюсь сырыми продуктами, чтобы не требовалось готовить.

Хизер вручает мне деревянную ложку и показывает на жаркое.

– Встань тут и помешивай его.

Она быстро передвигается по кухне, все осматривает, открывает дверцы шкафчиков наугад. Как она может так быстро и ловко передвигаться на таких каблуках? Когда я в последний раз надевала каблуки, мне было то ли семь, то ли восемь лет, и я хотела наряжаться как

взрослая. В итоге я потянула лодыжку, не смогла участвовать в соревнованиях по гимнастике и дала себе слово больше никогда не носить каблуки.

Мне отчаянно хочется что-нибудь съесть. Я заглядываю через ее плечо в поисках хоть чего-то, что можно сунуть в рот, но шкафы пусты, если не считать нескольких старых упаковок. Огромный холодильник тоже пустой. Это объяснимо. Продукты начнут завозить в следующем месяце, перед открытием лыжного сезона.

– Где ты теперь работаешь? – спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал буднично.

– Мы с Дейлом спортивные агенты, – сообщает она. – Я получила диплом юриста, и мы учредили собственное агентство после того, как поженились.

– Вау! Впечатляет.

Разговор сходит на нет. Я никогда не знала, о чем с ней разговаривать. Она почти не каталась на сноуборде, и у меня всегда было гораздо больше общего с Дейлом. С женщинами типа Хизер я чувствую себя неуверенно. У нее всегда сделаны укладка и макияж, она всегда прилагает усилия, чтобы выглядеть хорошо. Предполагается, что женщина и должна быть такой, по крайней мере, в соответствии с общепринятыми стандартами.

А я не такая. Я напоминаю девчонку-сорванца, которая так и не повзрослела. Перед всеми я притворяюсь, что мне плевать на то, как я выгляжу, но глубоко внутри меня это волнует. Меня беспокоит, что, может, парней отталкивает то, что я недостаточно женственная и, может, поэтому я до сих пор не замужем.

Хизер чем-то гремит в холодильнике. Никогда не будет подходящей минуты, чтобы спросить, изменяла ли она Дейлу, так что я начинаю этот разговор прямо сейчас.

– Я пытаюсь догадаться, кто все это написал, когда нам предложили сыграть в «Ледокол». И я думала о вас с Брентом.

Хизер распрямляется, держа в одной руке листья салата и огурец в другой. Она проверяет, нет ли кого-то в коридоре, и поворачивается ко мне.

– Что именно тебя интересует? – спрашивает она ледяным тоном.

– Ты с ним спала?

Она смотрит на меня, сверкая глазами.

– А ты спала с Дейлом?

– Конечно, нет. – Хотя я его целовала. Но я надеюсь, что это никогда не всплывет, потому что я этим совсем не горжусь. – Ну так как?

– Нет, – говорит она и старается не отводить взгляд.

– Я тебе не верю, – заявляю я.

Парни, вероятно, разожгли огонь в камине, потому что до нас доносится запах дыма.

– Это твое дело.

Хизер открывает верхний шкафчик и достает пять тарелок.

– Хорошо. Я спрошу у Брента, – говорю я.

Она молча раскладывает еду по тарелкам, салат и огурец остаются на разделочной поверхности. За сегодняшний день я уже второй раз чувствую в ее словах ложь. О чем она еще врет?

* * *

У меня першит в горле от дыма, когда я несу тарелки. Ресторан выглядит точно так же, как я его помню. Стены обшиты темными деревянными панелями, видны балки, на полу коврики из воловьей кожи, черно-белые фотографии на стенах. Языки пламени играют в огромном каменном камине, прямо над ним из стены торчит оленья голова. На каминной доске тикают знакомые часы, их циферблат пожелтел от старости.

Освещение тусклое – люстры низко нависают над столами, но ярких лампочек в них нет. Обстановка должна бы казаться уютной, но в зале слишком много темных уголков, и мне это не нравится.

Брент с Дейлом сидят за столиком, который стоит ближе всего к камину, и болтают. Я ставлю перед ними тарелки и испытываю облегчение, видя, что они снова поладили. Дейл теперь тоже пьет виски, и рядом с первой бутылкой Jack Daniels уже стоит вторая.

– Вы уже выпили целую бутылку? – спрашиваю я.

Брент ухмыляется.

– В баре все бесплатно. Почему бы не воспользоваться?

Я беру в баре стаканы и наливаю себе еще виски, зная, что делать этого не следует. Я моргаю из-за дыма и осматриваюсь. На стенах выставлено древнее альпинистское снаряжение: винтажные очки, кошки, хорошо поношенная пара альпинистских ботинок.

Ржавый топор-ледоруб. Благодаря горным вершинам и нетронутой природе Ле-Роше является популярным у альпинистов местом зимой. Я дотрагиваюсь до металлического кончика. Все еще очень острый.

Кертис стоит на коленях перед камином и разбирает поленницу.

– Что ты делаешь? – спрашиваю я.

– Ищу телефоны.

– Я уже тут проверял, – вставляет Дейл.

Кертис продолжает поиски. У меня от дыма слезятся глаза.

Появляется Хизер с остальными тарелками.

– Мне нужно вернуть ноутбук, – заявляет она.

– Да заткнись ты со своим ноутбуком, – шипит Дейл.

Хизер всегда казалась мне сильной женщиной. Десять лет назад, как мне представлялось, именно она задавала тон в их отношениях, но, похоже, баланс сил изменился.

Я сажусь рядом с Брентом. На всех стульях лежат накидки из овчины с длинным ворсом. Мне хочется закрыть ноги этой овчиной, как одеялом, но она прикреплена к сиденью.

– Как вам квад-корк 1800 Билли Моргана¹⁴? – спрашивает Брент, когда мы принимаемся за еду.

– Я его видела на YouTube, – говорю я, радуясь усилиям Брента снять напряжение.

Дейл кивает.

– А теперь еще какой-то японец первым сделал квад-корк 1980, – говорит он.

– Это безумие, – качаю головой я. – Вы можете себе это представить? Пять полных оборотов!

– Пять с половиной у японца, – поправляет меня Дейл. – Сноубординг сделал гигантский шаг вперед.

Хизер смотрит на часы, словно считает минуты, когда ей можно будет отсюда уйти. Кертис все так же напряженно следит за происходящим, а я начинаю расслабляться. Свою роль сыграли жаркое и алкоголь, от которых у меня в животе стало тепло, да еще и языки пламени согревают мое лицо.

– Вы можете поверить в то, что мы катались без шлемов? – спрашивает Брент.

– Я всегда катался в шлеме, – заявляет ему Кертис.

– А как мы рисковали! – продолжает Брент. – Нам повезло, что мы легко отделались.

Некоторым из нас не повезло, но я не собираюсь сейчас об этом думать. В любом случае и в шлеме можно сломать шею.

¹⁴ Билли Морган – британский сноубордист, который первым выполнил указанный трюк за один вылет: пять полных оборотов и четыре сальто. – *Прим. пер.*

– Вы видели, как тот парень из Норвегии сделал бэксайд 540 ревинд¹⁵? – спрашивает Дейл.

– Нет, – говорю я. – А что это такое?

Дейл в свое время задавал стиль, и я очень любила обсуждать с ним трюки.

Он ставит стакан на стол.

– Это подобно вращению на семьсот двадцать градусов, а потом ты начинаешь вращение в обратном направлении. Представь, как ты останавливаешь вращение в воздухе, зависаешь и начинаешь вращаться в обратном направлении. Это невероятно трудно. Попробуй и все сама поймешь.

Дейл поднимает свой стул на соседний стол и забирается на него.

Я люблю этих ребят. Когда я хожу куда-то с моими коллегами из спортзала, мы обсуждаем шоу на Netflix. Может, я не видела эту компанию целых десять лет, но у меня все равно с ними больше общего, чем с кем-либо еще.

Люди не становятся профессиональными спортсменами ради денег, в особенности в таком опасном виде спорта, как наш. Вы никогда не разбогатеете, если будете заниматься сноубордингом, конечно, только если вы не Шон Уайт¹⁶. Нет, это страсть. Вы хотите проводить каждую минуту своей жизни, занимаясь сноубордингом, вы постоянно думаете о нем, и все ваши мечты связаны с ним. Никто из нас больше не является профессиональным спортсменом, но мы не утратили эту страсть.

Дейл прыгает со стула, поворачиваясь в одну и другую стороны во время полета.

– Нет, – говорит Кертис. – Нужно сделать поворот, по крайней мере, на сто восемьдесят градусов, иначе это просто шифти¹⁷.

Дейл гневно смотрит на него.

– Дай я попробую, – говорит Brent, залезает на стул и спрыгивает.

Я испытываю радостное возбуждение. Я встаю.

– Моя очередь.

Хизер закатывает глаза, а я снова чувствую себя двадцатилетней. Стул вибрирует, когда я на него забираюсь. Я прыгаю в воздух. Приземление получается жестким. На протяжении многих лет я не прыгала ни с чего выше StairMaster¹⁸.

– С такой высоты недостаточно времени в воздухе, – объявляет Дейл.

Его взгляд останавливается на остатках ствола дерева, которое спилили, чтобы получился стол. Он поднимает на него еще один стол, меньшего размера, а наверх ставит еще и стул. Эта пирамида опасно покачивается, когда он на нее забирается. Brent успевает как раз вовремя, чтобы не дать ей упасть. Дейл высоко подпрыгивает, а приземлившись, шатается, врезается в наш стол, потом растягивается на полу.

– Достаточно, – говорит Кертис. – Хватит дурить.

Дейл поднимается с пола, потирая плечо.

– Чего ты такой хмурый?

– Кто-то украл мой телефон и мой компьютер. Вот поэтому.

– Выше нос! Расслабься хоть немного.

Кертис откидывается на спинку стула.

– Верни мне мои вещи, и я это сделаю.

¹⁵ Ревинд означает движение, когда вращение начато, потом остановлено на каком-то этапе и снова начато в обратном направлении. Бэксайд и 540 – см. пояснения выше. – *Прим. пер.*

¹⁶ Шон Уайт – американский сноубордист, трехкратный олимпийский чемпион. – *Прим. пер.*

¹⁷ Шифти – один из самых простых трюков. При его выполнении происходит скручивание тела: верхняя часть тела вращается в одну сторону, а нижняя с доской в другую, потом тело возвращается в нормальное положение. – *Прим. пер.*

¹⁸ StairMaster – американская компания и тренажер (здесь) производства этой компании. – *Прим. пер.*

Они с Дейлом сверлят друг друга взглядом. Я вижу пустой стакан из-под виски рядом с тарелкой Кертиса. Я не заметила, что он пил.

– Ты нисколько не изменился, да? – говорит Дейл. – Все такой же вредный и противный. Я знал, что не следует сюда ехать.

– Так зачем же ты приехал? – спрашивает Кертис.

Дейл кивает на Хизер.

– *Она* хотела.

– Seriously? – Я бросаю взгляд на Хизер. А почему она хотела? У меня всегда было ощущение, что она терпеть не может это место.

– А если ты хочешь получить ответ на вопрос, который ты задавал раньше, то отвечаю: нет, я не спал с твоей сукой-сестрой, – заявляет Дейл.

Кертис поднимается на ноги.

– Есть только один человек, которому дозволено обзывать мою сестру, и это я. Но я этого не делаю, потому что, в отличие от тебя, мне знакомо чувство уважения, черт побери.

Напряженное молчание.

Кажется, настроение здесь может меняться так же быстро, как и погода.

Глава 10

Десять лет назад

Брент и Кертис сидят напротив меня в «пузыре». Ветер здорово усилился, и наша маленькая кабинка раскачивается из стороны в сторону. Я издаю стон и хватаюсь за живот.

– Только не блевани на мои новые штаны. Мне в них еще кататься, – предупреждает Брент со своим лондонским акцентом.

– Да, нужно быть очень внимательным, если она находится рядом с твоими штанами, – говорит Кертис. – Вчера она порвала мои.

Я смотрю на нижнюю часть ноги Кертиса. Там ничего не порвано. Значит, это новые штаны. Напряжение спало, соревнования закончились, поэтому Кертис с Брентом широко улыбаются. На них больше ничего не давит. И у них есть основания улыбаться. Кертис занял третье место, а Брент пятое. Британские парни хорошо себя показали.

Еще один порыв ветра подхватывает нашу кабинку, ее сильно качает, и от этого у меня что-то словно перемещается в животе. Я чувствую, что меня сейчас вывернет наизнанку. Запах старого сигаретного дыма не помогает – тот, кто ехал в этой кабине до нас, плевать хотел на предупреждения «Не курить».

Я забралась сюда, чтобы сделать несколько заездов и выпустить всю свою ярость. Вероятно, это хорошо, что парни запрыгнули в кабину вместе со мной, потому что они не дают мне думать о моем провале. И вообще, когда Кертис смотрит на меня своими голубыми глазами, мне трудно о чем-либо думать.

– Я считала, что вы двое будете праздновать – там, внизу, в долине, – говорю я.

– Я всегда делаю пару заездов после соревнований, чтобы успокоиться. – Кертис бросает взгляд на Брента. – А Брента преследует одна швейцарка, с которой он провел прошлый вечер. Ему требовалось быстро от нее сбежать.

Я улыбаюсь и смотрю на сноуборды, стоящие у окна. Доска Брента вся заклеена стикерами его спонсоров, и я с трудом понимаю, какая это модель. Что-то от Burton. Предполагаю, что это профессиональная модель, которую рекламирует Шон Уайт. Если Брент и дальше будет кататься так, как сейчас, то на следующий год Burton вполне может продвигать модель «Брент Бакши».

Я киваю на стикер «Смэш».

– Ты на самом деле пьешь это дерьмо?

– А что? Хочешь баночку?

Брент роется в своем рюкзаке и достает оттуда ярко-оранжевую банку, с треском открывает и протягивает мне.

– Нет, – качаю головой я. – Хотя давай. Я его никогда не пробовала. – Я делаю небольшой глоток. – Фу! Похоже на жидкость для полоскания рта. – Я отдаю банку назад. – Слышала, что в нем кофеина, как в трех чашках кофе.

– Как в пяти.

Брент встает, его темные волосы касаются потолка кабинки. Он открывает окно, и в кабину врывается холодный воздух. Брент выливает содержимое банки вниз.

– Что ты делаешь? – кричу я. – Сурки в этом году не смогут заснуть.

– Я терпеть не могу эту дрянь. – Брент закрывает окно и убирает пустую банку в рюкзак. – Только никому не говори, потому что они оплачивают мне весь этот сезон.

Мне нравится Брент. Он напоминает мне одного из друзей моего брата, Барнси.

– Они платят тебе больше, чем Burton? – спрашиваю я.

– Они платят больше, чем все мои остальные спонсоры, вместе взятые.

– Серьезно?

Но вообще-то это имеет смысл. У Брента отличные перспективы, он может стать большим спортсменом. Идеальное лицо бренда.

– Когда они сказали мне, сколько готовы платить, я ответил, что готов сделать татуировку с их брендом у себя на заднице.

– Не может быть!

Брент приподнимает куртку, берется за резинку спортивных штанов, будто собирается их спустить.

– Хочешь посмотреть?

Я не уверена, говорит ли он серьезно, и бросаю взгляд на Кертиса.

Кертис разводит руками.

– Не смотри на меня. И с чего ты взяла, что я видел его задницу?

Брент смеется и снова садится. Он очень уверен в себе, и причина такой наглой самоуверенности – его исключительное мастерство в спорте, причем не любом виде, а в том, в котором требуется летать по воздуху на большой высоте. Но при этом он забавный. И это не говоря о том, что он симпатичный, часто улыбается, и у него невероятные темные глаза.

Перед тем как приехать сюда, я видела его в одной утренней телепередаче. Ведущая – Анна Как-там-ее, привлекательная женщина сорока с небольшим лет – спросила его, какие мышцы необходимо развивать для сноубординга. Он ответил, что все. Она убедила его снять рубашку, он разделся, и она разве что не набросилась на парня. Второму ведущему, мужчине, практически пришлось ее оттащить!

Это был смешной пример сексизма наоборот. Если бы каждый из них был противоположного пола – мужчина-ведущий и девушка-спортсменка – подобное поведение вызвало бы негодование в национальных масштабах. А так половина зрителей над ней смеялась, а вторая половина пришла в такой же экстаз. А Брент сидел и воспринимал происходящее, как должное.

И да, тело у него впечатляющее. Я их понимаю. Тем не менее он не действует на меня так, как Кертис.

Я хватаюсь за сиденье, когда нас снова бросает из стороны в сторону. Потом кабинка замедляет ход.

– Знаешь, сегодня утром Дейл попросил меня дать ему банку «Смэш», – сообщает Брент Кертису.

– Правда?

– Вчера вечером он отправился домой с барменшей.

– С Хизер?

– Я не знаю, как ее зовут.

– Длинные темные волосы?

– Она.

– Они живут вместе с моей сестрой, – сообщает Кертис. – Она его вымотала? Тебе повезло.

Они смеются.

– А Дейл какое место занял? – спрашиваю я.

– Седьмое, – сообщает Кертис.

Мне интересны отношения Брента и Кертиса. Они соперники, но видно, что они еще и друзья. Кертис старше. Вероятно, ему двадцать четыре, а то и двадцать пять, а это уже многовато для профессионального сноубордиста. Сейчас крупнейшие зимние старты выигрывают пятнадцатилетние подростки, и лишь немногие продолжают участвовать в соревнованиях, когда им переваливает за двадцать пять. Мягкие молодые кости не так легко ломаются. Чувствует ли Кертис угрозу от быстро набирающего обороты Брента? Наверняка.

Меня бросает вперед, когда «пузырь» останавливается. Проклятье! Мы добрались только до середины крутого склона.

– Ходят слухи, что однажды с этой скалы прыгнул кто-то из лыжников, – говорит Кертис. Я смотрю на голые камни под нами.

– Серьезно? А ты бы прыгнул?

– Разве что с парашютом.

Из громкоговорителя раздается треск, потом объявление на французском.

– Что он сказал? – спрашивает Брент.

– Держитесь! Держитесь!

– Ну даешь, Милла! – смеется Кертис.

– А что на самом деле сказали? – опять спрашивает Брент.

– Какая-то техническая неполадка. Извиняются за задержку, – переводит Кертис.

Брент выражается непечатно.

– У кого-нибудь есть хоть какая-нибудь еда? – интересуется он.

Я копаюсь в рюкзаке и достаю батончик мюсли.

– Возьми.

– Отлично.

Кабинка качается из стороны в сторону, ощущения – будто мы на карусели. В щель у окна задувает ледяной ветер. Я притягиваю колени к груди.

– Как здесь холодно-то, черт побери!

Кертис пересаживается на мою сторону и устраивается рядом. Не проходит и минуты, как Брент делает то же самое и садится с другой стороны. Теперь я зажата между ними. Это уже похоже на интимную близость, и я – не единственная, кто это чувствует, потому что мы все замолкаем.

Низко висящее над горизонтом солнце освещает снег, и под его лучами он кажется золотистым. Покрытые снегом склоны наверху прорезаны петляющими линиями – следами тысяч спусков. Мне сейчас следовало бы спрашивать этих парней про трюки, просить советов и подсказок, но я не могу ни о чем думать, кроме как о ноге Кертиса, которая прижимается к моей.

Он снова ловит мой взгляд.

– Так получше?

– Ага.

Мне нужно отсюда выбираться. Я не выдержу, если он и дальше так будет на меня смотреть. Мне такие сложности этой зимой совсем не нужны. Я не должна ни на что отвлекаться.

Из громкоговорителя опять слышится треск и еще одно объявление.

– Проклятье! – восклицает Кертис. – Из-за ветра система автоматически отключилась. Они собираются эвакуировать нас из «пузырей» по одному. Устраивайтесь поудобнее. Нам тут предстоит посидеть какое-то время.

Над нашими головами жужжит вертолет. Мы вытягиваем шеи, чтобы его увидеть. Вертолет зависает над одной из кабинок гораздо ниже по склону. Из нее вылезает мужчина. Я пытаюсь согреть пальцы своим дыханием. Это будет длиться целую вечность.

– Хочешь мою куртку? – спрашивает у меня Кертис.

– Нет, спасибо, – благодарю я.

– А мою хочешь? – спрашивает Брент.

Я ловлю взгляд, который Кертис бросает на Брента.

«Отвали», – говорит этот взгляд.

– Нет, – отвечаю я. – Кто-нибудь из вас хочет мою куртку? Нет? Отлично, потому что вы ее не получите.

Мы смеемся, и это снимает напряжение. Мы прекращаем флиртовать и говорим о сноубординге. О местах, где мы катались; о хороших днях и плохих днях; о рекорде амплитуды

прыжка в высоту – 9,8 метра, установленном Терье Хааконеном¹⁹ на соревнованиях Arctic Challenge. Тем временем цвет неба меняется с розового на пурпурный, а потом на темно-синий.

– Вы давно знакомы? – спрашиваю я.

– Мы познакомились на соревнованиях Burton US Open – открытом чемпионате США, спонсором которого была компания Burton, несколько лет назад, – отвечает Кертис. – А в прошлом сезоне вместе снимали квартиру.

– С его сестрой, – добавляет Brent.

Они с Кертисом снова переглядываются. В чем дело? Но прямо сейчас я не хочу о ней думать. Я рада, что застряла в кабинке с ними двумя, а не с ней.

Звучит еще одно объявление.

– Уже недолго, – переводит нам Кертис.

– Ты бегло говоришь на французском? – спрашиваю я.

– Я бы так не сказал.

– Он еще говорит на немецком, – вставляет Brent. – Если бы я знал, что буду этим заниматься, я бы посильнее налегал на языки в школе.

– И я бы тоже, – признаюсь я. – В прошлом году я весь сезон провела в Швейцарии, в Лаксе, и знала только две фразы на немецком.

– Какие? – интересуется Кертис.

Я собираюсь с силами, чтобы произнести их на правильном немецком.

– Ich verstehe nicht. – При виде полного непонимания на лице Brentа, я перевожу: – Я не понимаю.

– А вторая фраза? – спрашивает Кертис.

– Wo ist der Krankenhaus? Где больница?

Кертис смеется.

– Прекрасный выбор. Только надо говорить «das Krankenhaus».

Я делаю вид, что сейчас врежу ему в бок.

У нас над головами слышится характерный злобный звук, вертолет зависает над нашей кабиной, и из него внутрь направляют луч мощного фонаря.

– Вот и вертолет, – говорит Brent.

По веревке спускается человек, которого мы пока не можем четко рассмотреть. Мы отступаем назад, когда этот мужчина с силой раскрывает дверь кабинки и делает шаг внутрь. Он спрашивает что-то по-французски.

– Кто пойдет первым? – переводит Кертис.

– Я! – Я поднимаю руку.

Мне всегда нужно себе что-то доказывать. Это глупо, но мне это необходимо. Я должна демонстрировать бесстрашие. Я виню в этом своего брата. Джейк с друзьями чего только не вытворяли в лесах вокруг нашего дома в годы нашего детства. И они позволяли мне носиться по округе в их компании только потому, что я делала самые безумные вещи. «Давай, Милла. Попробуй». Я ломала кости, пытаясь ни в чем не отставать от мальчишек. Я всегда принимала вызовы, а не уходила от них – и я до сих пор остаюсь такой. Теперь это вошло в привычку. Безбашенная Милла. Люди ждут от меня подобного поведения.

Спасатель надевает на меня сбрую. – Не нужно волноваться, хорошо?

– Я и не волнуюсь, – отвечаю я ему. – Я всегда хотела это сделать.

Он странно смотрит на меня. Кертис с Brentом громко хохочут.

– Давай, Милла, – напутствует Brent, и я начинаю спуск.

¹⁹ Терье Хааконен – норвежский сноубордист, многократный чемпион мира в хафпайпе. Упомянутый рекорд был установлен в Осло в 2007 г. – Прим. пер.

На самом деле мне далеко до спокойствия. Камни внизу выглядят очень острыми. «Давай, соберись! Не раскисай!» Шаг за шагом я спускаюсь вниз по поверхности скалы. Меня подхватывает ветер и относит в сторону. «Ничего себе!» Я держусь за веревку одной рукой, а вторую выставляю вперед как раз вовремя – меня кидает на скалу. Я жду, когда стихнет этот порыв ветра, затем продолжаю спуск вниз.

Еще десять метров. Наконец я добираюсь до плоской поверхности, и мои ботинки утопают в снегу.

Ратрак расчистил участок для нашего приземления – прошел зигзагом вниз с ледника, а сейчас освещает его. Я прикрываю глаза от слепящего света – его фары очень мощные.

Из тени, словно призрак, выходит Саския.

Я так шокирована, что чуть не валюсь спиной вперед на острые как ножи скалы.

– А ты здесь откуда? – выплевываю я слова.

Она кивает на кабинку, которая шла вверх через одну после нашей. Я вижу победный взгляд и все понимаю. Она видела, как я уползала со склона, и решила последовать за мной, намереваясь еще насладиться триумфом победителя.

Мои руки сжимаются в кулаки, и мне страшно хочется толкнуть ее со всей силы.

Глава 11

Наши дни

– Знаешь что? – спрашивает Дейл. – Я рад, что твоя сестра мертва.

Кертис бьет ему кулаком в челюсть. Дейла отбрасывает назад, он хватается рукой за лицо.

Удар не был сильным – я уверена, что Кертис при желании мог бы врезать гораздо сильнее, но я все равно шокирована. Кертиса обычно называют настоящий «Мистер Самоконтроль», хотя той зимой десять лет назад я несколько раз видела, как он выходил из себя – и все те случаи были связаны с его сестрой. Он – Супермен британского сноубординга со своим криптонитом²⁰.

Дейл приходит в себя и бросается на Кертиса, а Кертис отбрасывает его назад, на один из столов.

Отношения между Дейлом и Кертисом резко испортились в вечер перед исчезновением Саскии. Не знаю точно, что между ними произошло, но насколько я могу судить, начали все Хизер и Саския. А Кертиса и Дейла просто втянули в эту разборку. Полагаю, что после этого каждый из них пошел своим путем (как, впрочем, и я), и дружбы между ними больше не было.

Мы с Брентом бросаемся их разнимать. Мужчины машут кулаками во все стороны, достается и бедному Бренту. Ему врезают под дых, у него перехватывает дыхание. Я пытаюсь снова сделать удушающий захват – обхватываю шею Кертиса, но на этот раз мне уже не застать его врасплох, и он знает, на что я способна. Хизер сжимается в углу, закрывая лицо руками.

– Откуда ты знаешь, что моя сестра мертва? – орет Кертис. – Ты ее убил?

Судя по тому, как он смотрит на Дейла, кажется, что Кертис на самом деле не исключает такую возможность. Мне опять становится не по себе – знакомый груз давит на плечи.

Это не Дейл. Это была я. Я убила ее.

Я так сильно хотела выиграть, что была готова пойти на все что угодно только бы добиться цели. Я снова и снова прокручивала в голове события десятилетней давности, и каждый раз приходила к одному и тому же выводу. То, что я сделала, привело к ее смерти.

Мне дурно от того, что я натворила, но если бы снова возникла такая ситуация, поступила бы я по-другому? В меня врежется Дейл и возвращает меня в настоящее. Меня шатает, я падаю на стол, а он сверху валится на меня. Я выпила слишком много виски и медленно реагирую. Брент стягивает с меня Дейла за капюшон его куртки. Слышится треск – что-то рвется.

Дейл матерится и толкает Брента, тот врежается в камин.

– Хорошо, я спрошу! Ты спал с моей женой?

Может, Дейл больше не похож внешне на викинга, но ведет он себя все так же. Я задерживаю дыхание. «Брент, скажи “нет”, даже если спал, или он тебе врежет».

– Нет, – говорит Брент.

Дейл прищуривается и поворачивается к Кертису.

– А тебе я хочу сказать, что у твоей сестры башню снесло. Она полностью вышла из-под контроля. Полагаю, что это *ты* убил ее. Признайся. Она тебя достала, как и всех нас.

Кертис снова замахивается на него. Дейл уклоняется от удара, и кулак Кертиса врежается в его плечо по касательной. У Кертиса на щеках красные пятна. Я никогда раньше не видела, чтобы он так выходил из себя.

Его ярость заставляет меня задуматься. Может, в конце концов и не я виновна в смерти Саскии? Он ее ударил? Она умерла после этого? Трудно представить, что такое могло произойти, потому что он все время пытался ее защищать. Но может, он сорвался. У всех есть предел. Даже у Кертиса.

²⁰ Криптонит – название вымышленного химического элемента из комиксов о Супермене. – Прим. пер.

Кертис с Дейлом все не могут успокоиться. На пол летят стулья и стаканы.

Хизер хватается руками за голову.

– Прекратите!

Брент хватается Дейла за плечи сзади.

– Успокойся, – говорит Брент.

Дейл бьет его в живот. Это превращается во всеобщую потасовку, а я очень хорошо помню, что случилось после предыдущей такой их драки.

Я должна это остановить до того, как кто-то серьезно пострадает, но что мне делать? Мы же не можем вызвать полицию.

Кертис снова приближается к Дейлу. Я надеюсь, что он не набросится на меня вместо него, и встаю у Кертиса на пути.

– Прекрати.

Тело Кертиса касается моего тела, он тяжело дышит.

– «Ледокол», – напоминаю я. – Похоже, что кто-то пытался нас всех поссорить. Не поддавайся.

Кертис плотно сжимает челюсти, в глазах у него горит яростный огонь. На несколько полных напряжения секунд все замирает, затем Кертис с неохотой кивает. Он смотрит прямо на Дейла, а потом возвращается на свое место. Дейл бормочет что-то себе под нос, но тоже идет к своему стулу. Мы с Брентом занимаем свои места, поправляем одежду и восстанавливаем дыхание.

– Мы должны обсудить, кто мог написать эти секреты, – объявляю я. – Потому что тот, кто это сделал, на самом деле хорошо знает нас.

– Так, погоди... – перебивает Брент.

– Я не говорю, что все это правда. Я имела в виду...

– Она права, – вмешивается Кертис. – Мне кажется, что сделать подобное могли только семь человек. Одна из семи больше не может шевелить ни руками, ни ногами, вторая пропала десять лет назад и официально объявлена мертвой. Остаемся мы пятеро.

Слова повисают в воздухе. Все нервно оглядываются.

– Кто-то что-то слышал от Одетты? – спрашивает Дейл.

Я впираюсь ногтями в бедра под столом – так сильно, как только могу. Он смотрит на меня, я качаю головой. Я специально никогда не пыталась найти ее, даже не гуглила. Таким образом я могу убеждать себя, что, возможно, она чудесным образом исцелилась. Или, может, хотя бы частично восстановила движение конечностей. Потому что если до сих пор нет...

– Я связывался с ней через FaceTime на прошлой неделе, – сообщает Кертис.

Я резко поворачиваю к нему голову.

– Вы поддерживаете связь?

– Едва ли. Связывались только пару раз с тех пор, как мы все отсюда уехали.

– Мне она сказала убираться вон, – говорю я. – Не хотела меня видеть.

– Дело не лично в тебе, – поясняет Кертис. – Мне она тоже сказала, чтобы убирался – тогда, десять лет назад. Я подождал какое-то время, потом позвонил.

Я внутренне съеживаюсь.

– И как она?

Его печальные глаза говорят все, что мне нужно знать.

– Все еще в инвалидном кресле. Немного может двигать руками. Я думал, что смогу заехать ее навестить до или после этой нашей встречи – в зависимости от того, где она сейчас живет. Но она не захотела.

Хизер встает.

– Почему мы здесь сидим? Я хочу отсюда выбраться, – объявляет она.

Она смотрит на Дейла, словно он может с помощью магии перенести ее вниз на пятнадцать километров, да еще и в полной темноте, по льду и голым скалам.

– Сегодня вечером мы никуда не пойдем, – резко отвечает Дейл. – Нужно подождать до утра.

Хизер смотрит на всех нас, ожидая подтверждения.

– Поверь: если бы был хоть какой-то способ отсюда выбраться, то меня бы уже здесь не было, – говорит ей Кертис.

– В темноте спускаться слишком опасно. Тут везде расщелины, – вставляю я.

Хизер с неохотой снова усаживается на место. Все опять молчат. Брент выливает остатки виски себе в стакан и выпивает. Я поднимаю валяющуюся на столе бутылку из-под пива. Весь стол залит пивом, но меня это сейчас не беспокоит.

Хизер так крепко сжимает руку Дейла, что у нее белеют костяшки пальцев.

– Зачем кому-то это делать? – спрашивает она.

Похоже, никому не хочется говорить очевидное.

– Все дело в Саскии, правда? – говорю я, прилагая усилия, чтобы мой голос звучал твердо. – Кто-то думает, что ее убил один из нас. Наверное, этот человек или люди не знают это точно, или они пошли бы в полицию, но они это подозревают. Поэтому они и собрали нас здесь вместе, чтобы вычислить убийцу.

Я надеюсь, что мое чувство вины не отражается у меня на лице.

«Все в порядке, – говорю я сама себе. – Никто не знает, что ты сделала».

Я не знаю, что пугает меня больше – перспектива разоблачения? Или возможность, что Саския не умерла, как я предполагала, а ее убил кто-то из этих четверых?

Судя по тому, как все собравшиеся смотрят друг на друга, они думают то же самое.

«Ты убийца Саскии?»

Конечно, если только действительно один из нас не убийца. Кертис откашливается.

– Послушайте, мы даже точно не знаем, мертва ли моя сестра.

Дейл что-то бормочет себе под нос. Кертис вскакивает на ноги.

– Что ты сказал? – орет он.

Проклятье. Они снова заводятся.

– Давайте закругляться на сегодня, – предлагаю я, когда Кертис обходит стол, приближаясь к Дейлу. – Уже поздно, и мы все на взводе. Давайте спокойно все обсудим утром.

Брент останавливает Кертиса.

– Пора в койку, братишка.

Кертис смотрит на Дейла. Затем поворачивается на пятках, подхватывает свои сумки и выходит из ресторана. У него опущены плечи, и вид этих плеч заставляет что-то внутри меня перевернуться. Он снова выглядит сломленным. Я смотрю на Брента, мне не хочется оставлять его здесь с Дейлом, но я все равно бегу за Кертисом, по пути подхватывая свои вещи.

– Сколько комнат с кроватями открыто? – спрашиваю я у Кертиса, когда он толкает очередную открывающуюся в обе стороны дверь.

– Не помню.

Я ожидаю, что свет погаснет. Кертис бьет рукой по каждому выключателю, мимо которого проходит, но свет не гаснет. Все лампочки продолжают гореть.

– Я не хочу жить вместе с Хизер, – говорю я.

Я считаю двери комнат хостела по мере того, как он их распакивает.

– Одна, две. – Бельевая. – Три, четыре. Достаточно. Хизер с Дейлом могут жить вместе.

Кертис открывает последнюю дверь ногой.

– Хочешь эту комнату?

– Спасибо, – благодарю я и затаскиваю внутрь сумку со сноубордом.

Он продолжает стоять в дверном проеме. На виске у него ярко-красная отметина.

– Тебе нужно приложить лед, – говорю я.

Кертис хмыкает и осматривает костяшки пальцев. Они тоже красные.

– Рука болит? – спрашиваю я.

– Все в порядке, – говорит он, наклоняет голову назад и прижимается ею к двери.

– Ты точно в порядке?

– Да.

Я смотрю, как он делает глубокие вдохи.

– Это я изменился или Дейл? – спрашивает он.

– Мне кажется, что Дейл сильно нервничает. «Как и ты», – могла бы я добавить, но не делаю этого. Вместо этого я меняю тему: – Где ты сейчас живешь?

– В Лондоне. Но много путешествую. А ты?

– Все так же в Шеффилде.

Он отходит от двери и расправляет плечи.

– Спокойной ночи, Милла. Я буду в соседней комнате. Как в старые добрые времена.

Я чувствую внутри внезапную острую боль. Это не совсем сожаление, а мысль о том, что могло бы быть.

Я выхожу за ним в коридор. Это не лучшее время, чтобы задавать такой вопрос, но я должна знать.

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

Я стараюсь, чтобы вопрос звучал непринужденно. Но мне кажется, что звучит он как угодно, но только не так, как я хотела. Он это понял? Кертис медленно поворачивается, я изумленно осматриваю его лицо, но в этих глазах, как и всегда, ничего не прочитаешь. Я думаю, что это была одна из тех черт, которыми он меня и привлек, вместе с барьером, который он воздвиг после того, как мы сошлись с Брентом. Он меня очаровывал. И продолжает очаровывать и теперь.

– Я расстался с девушкой несколько месяцев назад. С Сильви Асплунд.

Он произносит это имя так, словно я должна ее знать.

– Я больше не слежу за рейтингами.

– Норвежка. Занималась биг-эйр. – Кертис прислоняется к стене. – Мы были вместе несколько лет, но то сходились, то расходились. С бывшими спортсменами нелегко жить.

– Можешь мне не рассказывать, – хмыкаю я. – В особенности с теми, кто ничего не добился.

Выражение его лица смягчается.

– Про тебя нельзя сказать, что ты ничего не добилась.

Я вопросительно приподнимаю брови.

– В ту зиму ты тренировалась усерднее кого-либо из нас, Милла.

– Это не так.

– Я не говорю о том, чего ты могла бы добиться. Я говорю о рисках, на которые ты шла.

– Мы все рисковали, – напоминаю я.

– Да, но большинство трюков, которые я делал, я выполнял уже на протяжении нескольких лет. И то же самое можно сказать про Саскию и Брента. Мы их тренировали на батуте, потом в летних лагерях над надувными подушками безопасности. А ты тренировала их надо льдом.

Я никогда не смотрела на то, что было, под таким углом. Я только видела, что я – самый слабый райдер в группе, и пыталась догнать остальных.

– Почему ты бросила спорт? – спрашивает Кертис.

Есть простой ответ на этот вопрос: «Из-за *твоей сестры*». И конечно, из-за Одетты. Но в основном из-за его сестры.

– Я сделала то, что не следовало делать. – Я сглатываю. – Сделала много ошибок.

Так много ошибок.

Кертис внимательно смотрит на меня, и внезапно я начинаю думать об одном конкретном выборе – я сделала тот выбор в этом самом коридоре десять лет назад. Выбор между погоней за исполнением моей мечты – стать профессиональной сноубордисткой, или дать волю чувствам. Интересно, а он догадывается, о чем я думаю? Кертис открывает рот, чтобы что-то сказать, но открывающаяся в обе стороны дверь распахивается, и в коридоре появляются все остальные. Они идут к нам со своим багажом. Брент смотрит на нас с любопытством и толкает дверь в одну из комнат. Дейл с Хизер заходят в соседнюю с ним и хлопают дверью.

Я уже собираюсь идти в свою комнату, но Кертис внезапно тихо произносит:

– Знаешь, ведь тело моей сестры так и не нашли.

Я поворачиваюсь и смотрю на него. Он в замешательстве.

– Скажи мне, что я сошел с ума, но я уловил запах духов Саскии, когда мы открыли тот шкафчик для лыж. И в коридоре.

У меня по рукам бегут мурашки, когда я вспоминаю тот пряный аромат с примесью ванили.

– Я тоже его почувствовала, – признаюсь я слабым голосом. – Я подумала, что это духи Хизер.

Кертис проверяет, нет ли кого-то в коридоре, потом говорит еще тише:

– У меня всегда оставались сомнения по поводу того, что с ней случилось. После ее исчезновения ее кредитную карту неоднократно использовали. Было проведено множество операций!

Я неотрывно смотрю на него.

– Что ты хочешь сказать?

– Я не знаю. – Кертис обеспокоенно смотрит на меня своими голубыми глазами.

– Ты серьезно думаешь...

Он снова проверяет, нет ли кого в коридоре, словно ожидает увидеть здесь Саскию.

Похоже, его не очень радует мысль, что его сестра, возможно, осталась жива. Как раз наоборот.

Он выглядит очень обеспокоенным.

Глава 12

Десять лет назад

Волосы Саскии развиваются на ветру. В свете фар ратрака она выглядит как Медуза Горгона.

Рядом с нами приземляются Brent и Кертис. Мне это кажется, или парни рады видеть ее не больше, чем я?

Она вышагивает взад и вперед, требуя внимания к себе, словно кошка, которая весь день оставалась взаперти.

– Боже, как они тянут! Как тут скучно!

«На самом деле совсем не скучно. Я весело проводила время и получала удовольствие, пока не появилась ты».

– Я так замерзла. – Она стягивает перчатки. – Вот, смотри!

Саския запускает ледяные пальцы мне под куртку и касается моей голой шеи.

Я резко дергаюсь и отступаю назад. Она идет к Brentу.

– Отвали, – говорит он.

Ратрак дает гудок, и мы пробираемся к нему между каменистых выступов. Водитель выдает целую речь на французском.

– Мы – последние из спасенных, – переводит Кертис. – Еще ниже ждет семья, которую ему нужно отвезти вниз в долину. Он может взять только пять пассажиров. Согласимся ли мы провести эту ночь в хостеле, который есть на леднике, чтобы ему не приезжать еще раз наверх за нами? До хостела он нас довезет.

Brent издает радостный вопль.

– Утром мы будем первыми на горе!

– Надеюсь, что у них хватит комнат для нас всех, – говорю я.

Водитель открывает дверь за своей кабиной, мы туда забираемся и устраиваемся на скамье за его сиденьем. Приходится держать на коленях наши сноуборды и рюкзаки. Саския прижата ко мне, она надушена, и запах ее духов чувствуется еще сильнее в очень нагретом маленьком помещении. Кто вообще душит, когда занимается сноубордингом? Только она.

Машина медленно пробирается вверх по склону, хотя мы и не опрокидываемся назад, но наклон сильный. Дизельные пары смешиваются с духами, и у меня опять начинает крутить живот.

– Вы видели мой последний двойной оборот? На семьсот двадцать? – спрашивает Саския. – Я чуть не упала.

Каким-то образом из-за ее присутствия снова возникает напряжение. Его чувствую не только я: парни тоже сидят тихо – или, может, они просто устали. Саския пытается их разговаривать, обсудить соревнования, но они не поддаются. Теперь идет снег. Снежинки кажутся оранжевыми в свете фар ратрака, они падают на лобовое стекло.

Наверху стоит здание, известное как «Панорама», свет горит во всех его окнах. Кертис уже собирается прыгнуть на землю, но водитель грозит ему пальцем и опять начинает длинную речь. Я улавливаю только одно слово: расщелины. Он подвозит нас прямо к главному входу.

– Я никогда раньше не бывал здесь ночью, – признается Кертис, когда мы сбиваем снег с обуви на коврике у двери.

– И я тоже, – говорю я.

Женщина в переднике жестом показывает, куда нам идти. Я иду вслед за остальными в ресторан, обращая внимание на то, как по-разному они все двигаются. Кертис идет с прямой

спиной и целенаправленно; Brent лениво и свободно, штаны спущены до середины задницы; у Саскии легкая походка, как у танцовщицы.

Глаза мне щиплет дым – горят дрова, но вид зажженного камина и языков пламени радует. В ресторане сидит еще только одна группа: уже поздно. Я снимаю ботинки и стою перед камином, надеясь, что никто не почувствует запах моих носков.

Вокруг камина висят черно-белые фотографии. Альпинисты со старомодным снаряжением позируют перед знакомыми вершинами. Под одной из фотографий написано: «Монблан, 1951 год». Там опасно даже сейчас, чего уж говорить про подъемы с помощью кошек, привязанных простыми веревками.

Кертис склоняется поближе, чтобы рассмотреть другую фотографию.

– Гранд-Кассе. Это одна из любимых гор моего отца. Он был первым сноубордистом, который съехал по северному склону, сразу после рождения Саскии. Мама не хотела, чтобы он это делал.

– Я думала, что она тоже этим увлекалась, – говорю я.

– Прекратила после нашего рождения.

Типичная история. Моя мама тоже оставила работу, которую любила, чтобы родить нас с братом. Она работала менеджером в доме престарелых. Когда мы подросли, она вернулась на неполный день, но на старое место ее больше не взяли. Почему всегда именно женщинам приходится отказываться от мечты? Я не собираюсь ни от чего отказываться ради кого бы то ни было.

К нам присоединяется Саския, снимает с крючка винтажные альпинистские очки и прикладывает к лицу.

– Мне идет?

– Осторожно. Это антикварная вещь, – предупреждает Кертис.

Она неохотно вешает их на крючок, вид у нее недовольный, потом останавливается перед чучелом головы оленя и трет ему нос перед тем, как присоединиться к Brentу, уже сидящему за столом.

Я наконец достаточно согрелась, чтобы расстегнуть молнию на куртке. Прядь волос запутывается в молнии.

– Проклятье!

– Дай я. – Теплые пальцы Кертиса опускаются на мои.

Он так близко, что я едва могу дышать. От него пахнет мускусом и одновременно чем-то сладким. Может, дезодорантом? Или это запах его кожи? Он дергает бегунок молнии, и я внутренне сжимаюсь – готовлюсь, что он сейчас вырвет мне клочок волос. Именно так я делаю сама, когда такое случается. Но он действует очень нежно. Я чувствую комочек в горле.

– Вот, получилось, – говорит Кертис и ведет молнию вниз.

Я вся горю, понимая, что за нами наблюдают его сестра и Brent, тем не менее Кертис, как кажется, совсем не собирается от меня отходить. Он осторожно перебрасывает мои волосы через плечо.

Что этот парень со мной делает?! Дело не только в его внешности – дело в том, какой он сам. Его внешняя холодная уверенность вызывает у меня желание заставить его раскрыться, мне хочется посмотреть, что там внутри. Я чувствую, что в глубине души он совсем не холодный. Там вполне может пылать огонь.

«Стоп!» Я не могу позволить себе идти этой дорогой. Эта зима крайне важна для меня: пан или пропал. Решается моя судьба! Если я не войду в первую тройку, мне придется уйти из спорта и устраиваться на нормальную работу.

Саския смотрит на меня с любопытством, когда я усаживаюсь рядом с Brentом. Каждый раз, когда я ее вижу, меня охватывает ярость. Я буду вести себя так, словно ее здесь нет.

Brent сидит, вытянув длинные ноги, и делает большой глоток из бутылки.

– Тебе принести что-нибудь выпить, Милла?

Я издаю стон.

– Нет, я больше никогда не буду пить.

Брент показывает мне бутылку. Это всего лишь кока-кола.

– О! – выдыхаю я. – Нет, я буду воду.

Я наполняю стакан из кувшина, который стоит на столе.

– А меня ты не собираешься спрашивать? – обращается к нему Саския.

Брент делает еще глоток, словно не слышит ее вопроса.

Это интересно. Он только что ее проигнорировал. Откровенно и нагло. Почему? У них с Саскией что-то было?

Судя по выражению ее глаз, она удивлена. Она явно не привыкла к тому, чтобы ее игнорировали. Саския резко встает из-за стола, ножки стула со скрипом едут по деревянному полу.

– Хорошо, я сама себе принесу.

Я скрываю улыбку, когда Саския отправляется к барной стойке. Брент тоже улыбается.

Обычно я не чувствую себя так расслабленно рядом с такими симпатичными парнями, но Брент очень похож на Барнси. Такие же манеры, даже такой же акцент. Мне с ним комфортно, как будто бы мы знакомы много лет.

Рядом с Кертисом я испытываю совсем другие ощущения.

– Эй, Сасс! – Кертис хлопает меня по плечу.

Я резко поворачиваю голову.

– Как ты меня назвал?

Кертис улыбается, ему стыдно, и это отражается у него на лице.

– Прости. Из-за волос. – Он предлагает мне красное вино. – Хочешь?

– Нет, спасибо, я буду пить воду. А завтра я покрашу волосы в розовый цвет. И я не шучу.

Брент смеется.

– У тебя проблемы, братишка.

Саския возвращается с пустым винным бокалом. Не произнеся ни слова, она хватается бутылку из руки Кертиса, наливает вино себе в бокал и усаживается за стол.

Женщина в переднике приносит нам тарелки с тартифлетом²¹ – мягким картофелем, залитым липким острым сыром, с характерным вкусом и запахом. Живот меня больше не беспокоит, и я страшно голодна. Я протягиваю руки к огню, пока жую.

– Сколько тебе было лет, когда ты занялась сноубордингом, Милла? – спрашивает Кертис.

– Одиннадцать, – отвечаю я. – Вначале я каталась по сухим склонам в Шеффилде. На снег вышла только в шестнадцать лет. А ты?

– В пять.

– А я в три, – вставляет Саския, хотя я ее не спрашивала.

Повезло. Неудивительно, что она так хорошо катается.

– Наши родители таскали нас с собой по всему миру, – рассказывает Кертис. – По крайней мере, по горам в разных точках света. Наша мама родом из Калифорнии, и у нас там до сих пор живут родственники. Поэтому мы провели несколько зим в Маммоте²².

Я это знаю, но не хочу, чтобы он знал, что я им интересовалась и читала о нем.

– Я помню, как смотрела старые записи – я видела, как ваши родители летали над склонами на Аляске.

Кертис улыбается.

– Правда?

²¹ Тартифлет – традиционное блюдо французской кухни, обычно его готовят зимой, подается на всех горнолыжных курортах. Это запеканка из картофеля с беконом и луком, залитая савайским сыром. – *Прим. пер.*

²² Маммот – горнолыжный курорт в США. – *Прим. пер.*

– У вас было классное детство.

– Иногда я уставал от мотаний по всему миру. Мне не нравилось все время переезжать с места на место.

Саския зевает. Я поворачиваюсь к Бренту.

– А ты когда начал?

– В десять, – отвечает он. – Но я занимался скейтбордингом примерно с шести лет. Мой отец – строитель, и он построил рампу для меня и брата у нас в заднем дворе, чтобы мы могли кататься на доске.

Меня веселит его лондонский акцент. Мне хочется смеяться.

– У нас даже были спонсоры, – добавляет он. – У моего брата очень хорошо получалось.

– Но ты предпочитаешь сноубординг? – спрашиваю я.

– Больше возможностей, – улыбается он.

– В прошлом году ты в первый раз участвовала в чемпионате Великобритании, Милла? – спрашивает Кертис.

– Да. Я подавала заявку и в позапрошлом году, но получила травму колена как раз перед соревнованиями.

– Какую? – склоняется вперед Саския.

– Порвала наружную коллатеральную связку. – Мне кажется, что признаваться в этом – слабость. – Но теперь с моим коленом все в порядке.

Я не собираюсь ей рассказывать, как в то лето работала по восемьдесят часов в неделю, чтобы оплатить физиотерапию в дополнение к деньгам, которые я откладывала на следующий зимний сезон.

– Саския несколько лет назад порвала переднюю крестообразную связку, – говорит Кертис.

Она резко поворачивает к нему голову.

Это серьезная травма. Я жду, надеясь, что он расскажет поподробнее. Но вероятно, он понимает, что она хочет ему сказать своим взглядом, и просто откидывается на спинку стула.

– Мне кажется, что наш вид спорта напоминает игру «Змеи и лестницы». Остается только надеяться, что удастся забраться повыше, а не соскользнуть вниз.

Другие люди, которые ужинали в ресторане, ушли, а женщина, подававшая нам тартифлет, маячит неподалеку. Бедняга! Она выглядит изможденной. Я знаю, как она себя сейчас чувствует. Летом я работала в баре до четырех утра, потом спала несколько часов и отправлялась на дневную работу.

– Как мне кажется, она хочет, чтобы мы поскорее заканчивали, и она смогла закрыть ресторан, – говорю я тихим голосом.

Мы доедаем все, что нам было подано, и женщина сразу же хватается за наши тарелки. Потом она показывает нам отсек коридора, служащий хостелом. Каждому из нас выделяется по комнате.

– Эй, Милла, – тихо говорит Кертис, когда я уже собираюсь зайти в отведенную мне. – Если замерзнешь ночью, ты знаешь, куда идти, чтобы согреться.

Саския поворачивается и смотрит на него со странным выражением лица.

– Думаю, что моя кровать теплее, чем его, – говорит Брент, стоя в дверном проеме.

Я бросаюсь в свою комнату, мое лицо пылает.

Спортсмены – физически крепкие люди. У нас много энергии, но иногда она оказывается неизрасходованной к концу дня. Поэтому предложение парней меня не удивляет. И мне нравится, как они все это подали. В их словах не было ни похоти, ни угрозы. Они просто предложили мне свои варианты, а я могу эти предложения принять или отклонить.

Когда я стою под душем, у меня дрожат ноги. Для них это в порядке вещей – вероятно, за обоими постоянно бегают девчонки, но мне еще никогда не делали таких откровенных пред-

ложений, да еще и одновременно два таких горячих парня. И очевидно, что два таких талантливых спортсмена будут так же талантливы и в постели.

Вода льется мне на голову. Они такие разные. Brent напоминает хорошо разношенную пару ботинок для сноубординга, в которых удобно и привычно.

А Кертис – это ботинки для сноубординга на следующий сезон. Я никогда не примеряла их и даже не представляла, что такие существуют, но если я их надену, то больше никогда не захочу их снимать.

Я закрываю глаза и наклоняю голову вбок, чтобы струи воды падали мне на лицо. Я все еще не отошла после двух моих последних расставаний с парнями. Этой зимой я могу завести только ни к чему не обязывающие отношения, чтобы было легко и весело. А в моих чувствах к Кертису нет ничего легкого и непринужденного, все как раз наоборот.

Но я не могу о нем не думать. Не лезет он у меня из головы! Проклятье!

Вода здесь идет тонкой струйкой, давление слабое, и в душе я не согреваюсь. У меня стучат зубы, когда я снова натягиваю на себя термобелье. Мои ноги сами несут меня в коридор. Я чувствую, что вот-вот сделаю ужасную ошибку, но я поднимаю руку.

Имеется и дополнительная сложность. Его сестра – моя самая главная соперница. Кертис – последний человек, с которым я могу позволить себе начать отношения.

Я делаю два шага по коридору.

И стучу в дверь Brenta.

Глава 13

Наши дни

Воспоминания накатывают на меня волной, когда я стою в коридоре перед дверью Брента. Дверь раскрывается, и он стоит на пороге в термобелье от Burton, волосы еще влажные после душа, как и в тот раз, только куда более неуверенный.

На меня снова накатывает волна теплых чувств к нему.

– Можно мне войти?

Он отступает назад, темные глаза смотрят настороженно.

– Конечно.

У меня возникает желание его обнять, но я не хочу, чтобы у него создалось ложное впечатление. Я хочу знать, не сильно ли его била жизнь, но вопрос кажется слишком личным.

Мы стоим с Брентом и смотрим друг на друга. Я все еще не пришла в себя после того, что Кертис сказал в коридоре. Мы уловили запах духов Саскии.

В этом здании.

Нам это показалось? Боже праведный, я надеюсь, что показалось.

Доски пола кажутся ледяными, когда их касаются голые большие пальцы моих ног. Мне следовало надеть носки.

– У тебя в комнате также холодно, как и у меня, – говорю я. – Посмотри. Пар идет изо рта.

Брент снимает одеяло с кровати.

– Присаживайся.

Я устраиваюсь на тонком матрасе. Он опускается рядом со мной, но так, чтобы не касаться меня, и набрасывает одеяло нам на плечи. Мы садимся ближе к стене, прижимаясь к ней спинами.

Я пришла сюда, чтобы узнать, что Брент думает о происходящем, но теперь, оказавшись здесь, я не уверена, с чего начать. Мне очень не нравится эта пропасть между нами. Я больше не знаю, как себя с ним вести.

Раньше это было так просто. Я до сих пор помню, как десять лет назад на его лице медленно расплылась улыбка, когда он открыл мне дверь. Мне ничего не потребовалось говорить. Он просто взял меня за руку и повел к узкой кровати, забрался на нее после меня и выполнил свое обещание – прекрасно меня согрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.